

P180877

ПЬЕСЫ

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ 1944

П Ь Е С Ы

Сборник пьес
для самодеятельного театра

Издательство ЦБ ВЛКСМ
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1 9 4 4

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Всеволод Иванов. «Дядя Костя»</i>	3
<i>Б. Романов. Когда сердце говорит</i>	32
<i>В. Потемкина, X. Херсонский. Сердце друга</i>	53
<i>Григорий Мерлинский. Кольцо с якорем</i>	73
<i>А. И. Куприн. Лейтенант фон-Пляшке</i>	80

Отв. редактор *Б. Дьяков.*

Подписано к печати 23/VI 1944 г. 6 печ. л. 5,9 уч.-изд. л. Л33183. Тираж 50 000.
Заказ 170. Цена 1 руб.

Ф-ка юнош. кн. изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Москва, ул. Фридриха Энгельса, 46.

«ДЯДЯ КОСТЯ»

Пьеса в двух картинах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Константин Сергеевич Заслонов, инженер, начальник русских паровозных бригад на станции Орша Западной железной дороги, захваченной немцами, 34 лет.

Евгений Коржень, слесарь депо, 22 лет.

Осип Иванович Чеба, машинист, 50 лет.

Пелагея Семеновна, его жена, 45 лет.

Егорушкин, начальник водоснабжения депо, 60 лет.

Ася, переводчица шефа станции, 20 лет.

Штумфе, шеф станции, 45 лет.

Полковник Краутс, посланный в Оршу с особым поручением от гестапо в Смоленске, 40 лет.

Повар — немец.

Действие — в начале 1942 года в городе Орше.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Проходная комната перед кабинетом шефа станции. Три двери: направо, налево и на заднем плане. Видно стремление победить мороз и беспорядок. Двери прикрыты портьерами, но все портьеры разного цвета и формата. Железная печка, трубы от нее пересекают комнату, печь обложена кирпичом, который побелен и даже украшен розочками. Возле печки стоит Штумфе, невзрачный, с белыми ушами и тупым бледным носом. Он греется. Поодаль, у дверей на заднем плане, повар, широкомордый, отъевшийся, чертит в записной книжке.

Штумфе. Куриную котлету! Если у господина полковника плохое настроение, оно немедленно проходит, едва он отведаст куриной котлеты. Ты понимаешь, Карл, что такое прекрасная куриная котлета?

Повар. Уверю вас, господин шеф, что господин полковник зажмурит глаза от удовольствия, увидев мою куриную котлету, если...

Штумфе. Что если?

Повар. Если не прилетят русские самолеты. Позавчера сгорели все котлеты, испортились все соусы, так как бомбой убило моего подручного Рудемахера.

Штумфе. Сегодня русские не прилетят. Теперь поговорим о третьем. На третье — свиную отбивную.

Повар. Свиную отбивную после куриных котлет? Извините меня, господин шеф, но я испорчу всю свою репутацию, — а я работал у Шлейхеля! — если...

Штумфе (*грозно*). Если?

Повар. ...если буду готовить после куриной свиную отбивную.

Штумфе. Готовишь не ты. Готовит война. А господин полковник Краутс любимец войны, и он любит одновременно есть свиные и куриные котлеты. Кругом марш! (*Повар уходит. Телефонный звонок.*) Эге. Я, Штумфе. Что? Как? Кем? Кем, повтори, могли быть уничтожены маслопровода в паровозах? Паровозы не могут, говорите, быть поданы к поездам?! Задерживаете движение?! А вам известно, обер, что приехал сюда сам господин полковник Краутс? Вы... вы...

Краутс (*в дверях, разматывая шарф*). Скажите ему, что он арестован мною на две недели.

Штумфе. Вы арестованы на две недели! Негодяй! Но маслопровода повреждены не на моей станции, господин полковник, не на моей. На соседней. Холодно? Ближе к огню, господин полковник.

Краутс. «Не на моей»? А на вашей сегодня заморозили семь паровозов, которые и не подали к поездам! Поздравляю вас, шеф. Семь паровозов! Вы думаете, фюрер поблагодарит вас за это?

Штумфе. Боюсь, что мои недоброжелатели очернили перед вами, господин полковник, мою станцию.

Краутс. Ничего, я ее выбелю. Я приказал повесить двоих русских, подозреваемых в порче паровозов.

Штумфе. Ха-ха! Чертовски рад видеть вашу решимость, господин полковник.

Краутс. С какой поры, Штумфе, вы стали любоваться чужой решимостью? У вас уже нехватает своей? Что с вами, Штумфе? На поезд № 884 я приказал вам назначить лучшего машиниста депо. На поезде № 884 поедет мой специальный отряд. Фамилия машиниста?

Штумфе. Через пять минут придет инженер Заслонов, и мы выберем лучшего машиниста, господин полковник.

Краутс. Хорошо. Я подожду Заслонова. (*Садится к печке. Штумфе раскрывает ему дверцу, и они греются.*) Вы бывали прежде в России, Штумфе?

Штумфе. Только проездом, господин полковник.

Краутс. Вам легче, вы северянин. А я с юга, и меня грызет тоска, когда день и ночь передо мной эти снега, эти угрюмые люди и эти меха, которые облеплены ста-лактитами мороза. Я не могу поверить, чтобы русские из-за любви защищали свою страну. Им приказали.

Штумфе. Да, приказ много значит в этом мире да и в том, наверное, господин полковник. Нам приказал фюрер взять эту страну. Мы ее взяли. Нам прикажут ее возделывать. Мы ее возделаем. Я, например, человек приказа. Мне приказано облагоденствовать эту страну...

Краутс. Любопытно: как вы ее облагоденствовали?

Штумфе. В семи километрах от города, возле Днепра, находится лесной завод № 3. При помощи общества «Восток» я купил его. И очень дешево...

Краутс. Пять минут прошло. Где же ваш инженер?

Штумфе. Странно. Он никогда не опаздывает.

Краутс. Рупнус, комендант города, ваш друг?

Штумфе. Мы школьные товарищи.

Краутс. Я сместил его. За бездеятельность. Он пьяница, обжора, создал гнездо ротозеев.

Штумфе. Так, так, господин полковник. Я подозревал это.

Краутс. Бургомистр Генрих фон-Недерейтор...

Штумфе. О, шапочное знакомство! Его давно было пора сместить...

Краутс. Я его назначил одновременно и комендантом города.

Штумфе. О-о?! Вы хотите сказать...

Краутс. Что я хочу сказать?

Штумфе. Что я тоже смещен?

Краутс. Я вас смещу, если к завтрашнему дню вокруг вас не будет людей, преданных фюреру.

Штумфе. Иных людей возле меня нет и не было, господин полковник. Я сам индивидуалист, собственник, и все окружающие меня — с душой бешеных индивидуалистов, собственников... и так далее...

Краутс. Не пытайтесь философствовать, Штумфе. Вы умеете торговать — и торгуйте. покупайте людей. Философией пистолета займемся мы. Сколько вы платите Заслонову?

Штумфе. Он крупнейший специалист. Он получает четыреста пятьдесят марок. Великолепный работник!

Краутс. В какой области?

Штумфе. Он инженер-паровозник, начальник русских паровозных бригад.

Крауцс. Заслонов имеет право сам нанимать техников и рабочих?

Штумфе. А что, господин полковник?

Крауцс. А то, что он не только в своем депо, — на все важнейшие узлы расставил партизан, присланных из Москвы! От Смоленска до Орши! На всех станциях помощниками начальников он поставил своих.

Штумфе. Не ошибаетесь ли вы, господин полковник? Эти люди... Невозможно, господин полковник!

Крауцс. «Эти люди» едут сюда, в Оршу, на поезде 99. Их вызвал Заслонов! Мой поезд 884, на который вы все еще не дали хороющего машиниста, арестует «этих людей». Приезд «этих людей» — взрыв в одном клубе, одно убийство — не меня ли? — вот чем встретила нас сегодня Орша!

Штумфе. Если Заслонов виновен хоть в сотой доле, его необходимо повесить!

Крауцс. Я не сомневаюсь в его виновности.

Входят Ася.

Ася. Господин шеф, явился инженер Заслонов.

Штумфе (*изумленно к Крауцсу*). Явился? Вы его сюда вызывали?

Крауцс. Его вызвали совсем в иное место. Я изумлен не менее вашего, Штумфе. Попросите сюда инженера Заслонова.

Ася открывает дверь. Входит Заслонов. Ася уходит. Заслонов небольшого роста, подвижной и стройный человек, в черном пиджаке. Лицо его хранит деловое выражение, в руках папка. Он молча раскланивается и развешивает как нив в чем не бывало папку с бумагами.

Заслонов. Извините, господин шеф. Меня несколько задержали в гестапо: требовались кое-какие пояснения. Вы приказали сформировать бригаду на поезд 884? Есть следующие кандидатуры: Собоцов — великолепный машинист, серьезный, устойчивый. у большевиков был на плохом счету; Набенко — тоже прекрасный машинист, у большевиков подвергался репрессиям, так же как и Мифодиев...

Штумфе. Я не вижу в вашем списке машиниста Чебы.

Заслонов. Машинист Осип Чеба староват, а кроме того, репрессиям у большевиков не подвергался.

Крауцс. Почему вы так настойчиво подчеркиваете репрессии?

Заслонов. Потому что репрессии мешают работе, господин полковник, а я энтузиаст работы, господин полковник, я узкий специалист; большевики мне мешали работать.

Краутс. Мы наступали на Оршу. Зажгли станцию и вагоны с грузами для русских войск. Осколком снаряда пробило цистерну с бензином. Вырвавшаяся струя загорелась. Грозил взрыв. Тогда один инженер взобрался на охваченную пламенем цистерну и фуражкой заткнул пробоину. Инженер под обстрелом сдерживал бензин, пока его помощники не изготовили деревянную пробку. Что, инженер поступал так для большевиков потому, что боялся большевистских репрессий? Фамилия у того инженера не Заслонов ли?

Заслонов (к Штумфе). Разрешите, господин шеф? Штумфе. Говорите.

Заслонов. Несколько дней тому назад через станцию Орша проезжал в своем поезде немецкий генерал. Прилетели большевистские самолеты. Началась бомбежка. Генерал искал убежища. Его встретил один инженер. «Пожалуйста сюда, господин генерал, — сказал он, — здесь безопасно». И он проводил его в убежище под депо. Генерал спасся. Когда поезд его отходил, он вручил свою визитную карточку инженеру и сказал: «Если у вас будут какие-либо неприятности с моим учреждением, покажите эту карточку, к вам будут внимательны». Что, инженер, спасая немецкого генерала, поступил так, боясь немецких репрессий? И фамилия у того инженера была не Заслонов ли?

Штумфе. Простите, а фамилия его превосходительства?

Заслонов. Генерал фон-Бургтер. Не ваш ли это прямой начальник, господин полковник? Извините, господин полковник, я не знал, что вы здесь. Мне нужно было спешить к господину шефу... и я осмелился вручить карточку генерала вашему помощнику. Он очень вежливый и исполнительный офицер. Немедленно же он позвонил в Смоленск и принес мне извинения от вашего имени, господин полковник.

Краутс. Подтверждаю свои извинения, господин инженер. Время военное, случаются всякие ошибки.

Заслонов. В детстве я любил читать рассказы о сыщиках и знаю, что даже в мирное время сыщики часто ошибались, а где же им не ошибаться в военное! (К Штумфе.) Прикажете читать дальше список машинистов, господин шеф?

Краутс. Но почему бы вам не включить в этот список машиниста Осипа Чебу?

Штумфе. Да, почему бы не включить?

Заслонов. Осип Чеба обычно не направляется в поездки. Его опыт используется в депо. Вы знаете, множество рабочих ушло с большевиками, нам надо готовить новые кадры...

Краутс. Эта поездка — не обычная поездка.

Штумфе. Мы пошлем Осипа Чебу с поездом 884.

Заслонов. Слушаюсь. Прикажете итти?

Штумфе. Да, можете итти.

Краутс. Минутку, господин инженер. Вот вы говорите, что многие инженеры и рабочие ушли с большевиками? Как — по своей воле или силой оружия? Ведь вы тоже ушли с большевиками.

Заслонов. Я слез в Вязме и там остался с тем, чтобы вернуться в Оршу, господин полковник.

Краутс. А не в Москву?

Заслонов. Нет, не в Москву.

Краутс. Ваша семья в Москве?

Заслонов. Она слезла вместе со мной в Вязме, а затем перебралась в Смоленск. Я позволил себе оставить ее пока там, но теперь выписал. Она едет в поезде № 99. Я разрешил себе ходатайствовать перед генералом фон-Бургтер, и он помог моей семье...

Штумфе. Генерал фон-Бургтер очень любезный и обаятельный человек.

Заслонов. Да, он исключительной обаятельности. Между прочим, господин шеф, в поезде № 99 едут в Оршу помощники начальников станций. Их вызвали согласно инструкции «К-61» Управления по борьбе со снежными заносами. Я крайне заинтересован в этой борьбе, так как в текущем месяце на участке Орша — Смоленск из-за заносов и недостатка воды брошено 75 поездов. Движение задержано, вину валят на паровозников, — это возмутительно! Поэтому я позволил себе обратиться с просьбой к вашему заместителю вчера ночью, и он согласился вызвать, согласно инструкции «К-61»...

Краутс. Инженер!

Заслонов. Слушаю, господин полковник.

Краутс. Хотите ехать на выгодную работу в Германию?

Заслонов. В какой город и на какой оклад?

Краутс. Зальцбург. Оклад — семьсот марок.

Заслонов. Могу взять и семью?

Краутс. Разумеется.

Заслонов. Зальцбург, Зальцбург... Позвольте, но

ведь его, кажется, усиленно бомбят союзники, и так как я не уверен, что союзные бомбежки легче русских...

Краутс (*вспыхнув*). Инженер!

Заслонов. Господин полковник! Сегодня прибудет моя семья. Я готов. Хоть завтра.

Штумфе. Как завтра?

Краутс. А почему бы ему действительно не уехать завтра?

Штумфе. Как же я останусь? У меня заносы, у меня летят под откос поезда, у меня нет опытных паровозников... Кругом метели, снега по горло... Мне нужно с моего лесного завода вывезти десять тысяч щитов, пятьдесят тысяч лопат и столько же метел, не считая ста тысяч кольев! Все это надо развезти по дороге, раздать, а вы у меня, господин полковник Краутс, увозите лучшего паровозника. Как будто в Зальцбурге нет паровозников. Не всех же их разбомбили, чорт возьми!

Краутс. Господин Штумфе я послан сюда с чрезвычайными полномочиями германского гестапо.

Штумфе. У меня тоже чрезвычайные полномочия, господин полковник И, кроме того, у меня железная дорога и мой лесной завод. Я должен добиться, чтобы мои поезда ходили по графику, а мой завод доставлял свою продукцию туда, где она должна находиться. Вы понимаете — мой завод. Россия — страна непривлекательная. мрачная, но она дала мне мой завод. Кто знает, при других обстоятельствах я быть может, всю жизнь влачил бы ярмо шефа станции, а здесь... И мой завод забит лесоматериалами, а в полях — метели, поезда останавливаются, а вы, господин полковник, говорите, что инженер Заслонов...

Краутс. И тем не менее инженер Заслонов завтра с поездом семь двадцать выедет в Зальцбург. Как вы думаете, господин шеф, не пора ли нам проводить мой поезд 884? (*Идет к дверям.*)

Штумфе. Господин полковник, вы меня, видимо, плохо поняли. Чрезвычайно плохо. Я хочу сказать...

Штумфе и Краутс уходят.

Заслонов. Придется план отменить... (*Думает, ходит. Движения его убыстряются.*) Нет, и так не годится.

Дверь распахивается. Быстро вбегает Корженев, белокурый розово-щекий паренек. Некоторое время спустя появляется Осип Чеба.

хмурый, скучный на слова и движения.

Корженев. Дядя Костя, меня на поезд 884?

Чеба. Да и меня, Константин Сергееч, туда — машинистом.

Заслонов. Не годится.

Коржень. Ясно, не годится. У меня другое задание, ха-ха!

Чеба. Не годится мне ехать машинистом 884?

Заслонов (*знаком приказывает закрыть дверь, подзывает Чебу и Коржню к себе*). Я говорю, что весь наш план не годится. Полковник Краутс гораздо прозорливее, чем мы думали. Он разгадал все.

Коржень. Ну да! Уж и все?

Заслонов. Он угадал, что в поезде 99 в Оршу едут наши люди, что мы готовим взрыв в клубе лесопромышленности, что мы готовимся убить его. Он только не вполне уверен, что я догадался о его догадке.

Коржень. Теперь я понимаю!

Заслонов. Что ты понимаешь, Женя?

Коржень. Я понимаю так: дядя Костя поручает мне убить полковника Краутса в Орше, а тот удирает в поезде 884. «Хорошо, — говорит дядя Костя, — удирай, но удерешь ли?» Женя Коржень, зажав в руке пистолет, едет в том же поезде. Мало того. Дядя Костя ухитряется машинистом в том же поезде 884 поставить Чебу, который в тот же день должен был произвести взрыв в клубе лесопромышленности. Чеба вместо клуба взрывает через мину поезд 884, поскольку в нем едут в Смоленск те же фашисты, что должны заседать в клубе лесопромышленности. Верно, дядя Костя?

Заслонов. Полковник Краутс и городские фашисты не едут в поезде 884, дорогой мой Женечка. Мой план отменяется.

Чеба. Выходит, мне другое задание?

Заслонов. Да, другое. Поезд 884 столкнуть с поездом 99. Чтоб 884 — вдребезги! В живых — ни одного гестаповца! Их семьсот штук! Поезд 99 цел. На каждого из наших в поезд 99 дана пара лыж. Вот боюсь, по этим-то лыжам полковник Краутс и догадался. На тебя, Женя, тоже приготовлена пара лыж.

Коржень. В каком смысле, дядя Костя?

Заслонов. А в том, что ты поведешь наших по лесному маршруту. Ко мне.

Коржень. Стало быть, в леса, дядя Костя? Ух, и давно ж я мечтал быть лесным партизаном!

Заслонов. Да, в городе быть тебе вредно. Женя.

Коржень. В каком смысле, дядя Костя?

Заслонов. Болтлив становишься.

Коржень. Чтобы я болтлив? Я, дядя Костя, всегда нем, как пенек!

Заслонов. Я еще ничего не знаю, я догадываюсь, но если узнаю...

Коржень. Руби голову!

Заслонов. Ну, вам пора, друзья, итти. Ты что, Осип Иванович, задумался? Трудно выполнить задание?

Чеба. Задание выполню, Константин Сергееч. Боюсь за жену. Нервная. Одна дома ночью боится оставаться. Вампиры эти бродят. Поищи ей какие-нибудь слова. Успокой. Ты в состоянии. Константин Сергееч. А я что ж, я народное задание выполню... Вот только насчет Пелагеи Семеновны... Супруга нервная, вампиры попытаются начнут...

Заслонов. Не придется пытать. Осип Иванович, жизнью клянусь... Так, стало быть, увидимся в лесах?

Чеба. Там увидимся или нет, бог знает, а задание выполню.

Заслонов. Ну, что-то ты уж очень мрачен, Осип Иванович!

Чеба. Сказал, задание выполню — значит, выполню. А как я его выполню, с песней или молча, — мое дело. Прощай, Константин Сергееч!

Коржень. Я тебе раскрою его смысл, дядя Костя. Он человек такой, что если за одно дело уцепился, он за него держится, и на другое дело ему переходить трудно. Вот поручил ты ему взрыв в клубе лесопромышленности, он и...

Чеба. Эх ты, Коржик, много ты понимаешь во мне... Идем!..

Чеба и Коржень уходят. Заслонов берет трубку телефона.

Заслонов. Начальника водоснабжения депо. Егорушкин? Что это такое, Егорушкин? Только что ко мне приходил машинист Чеба: воды на паровоз к поезду 884 нехватило. Вы понимаете или нет, что вы делаете? Докуда это будет продолжаться? Да. Я у шефа. Ладно, приходите.

Ася (*входит*). Шахматы. Приказание шефа. Куда поставить?

Заслонов. Давно я не играл в шахматы... Ха-ха-ха! Что вы грустная, как Чичиков, Ася?

Ася. Потому же, почему вы веселый, как Ноздрев, Константин Сергееч. Попали мы с вами в «Мертвые души».

Заслонов (*расставляя шахматы*). Не думаю, не думаю так, Ася. Я сегодня имею желание обыграть шефа.

Ася. Обыграть вообще или только в шахматы?

Заслонов. Что значит вообще?

Штумфе (*входит, с порога*). Ага! Шахматы уже здесь. Сейчас я отправлю поезд 884 и вернусь. О, мы сегодня отлично будем играть, инженер Заслонов! Сейчас, сейчас... (*Уходит.*)

Ася. Вот шеф вам и ответил, что значит вообще играть.

Заслонов. Я его не понял, так же как и вас, Ася.

Ася. На столике у печки — шахматная доска, два стула. А на самом деле игроки играют со смертью.

Заслонов. Ну, если рассматривать жизнь в лупу, жизнь всегда будет казаться игрой со смертью.

Ася. Штумфе рассматривает вашу жизнь в лупу.

Заслонов. А как же вы хотите? Ведь я русский, а он немец. Он только что покорил мою страну, и я только что согласился работать с ним. Естественно, что он мне не доверяет.

Ася. Настолько, что опасается, как бы не вышли к специальному поезду № 884 и не узнали, сколько в поезде гестаповцев. Он приказал мне расставить шахматы, а вам — ждать его у шахмат.

Заслонов. Я с удовольствием посижу у шахмат, Ася. Меня не интересуют поезда специального назначения.

Ася. Будто бы?

Заслонов. Сколько вы получаете, Ася, в качестве немецкой переводчицы?

Ася. Вы хотите сказать, что я дешево продалась?

Заслонов. Тот, кто считает, что он продался, ему всегда будет казаться — дешево. Я вот, например, работаю с немцами из ненависти к большевикам, и мне безразлично, сколько мне платят. Если я требую у немцев высокой оплаты, то потому, что они еще сильнее уважают тех, кому дорого платят.

Ася. Да, я знаю, что вы психолог.

Заслонов. Шефа нет. Не сыграть ли нам пока в шахматы?

Ася. Почему Женя Коржень послан с поездом 884?

Заслонов. Выбор шефа. На станции Галома плохие слесаря, а случается так, что при скоростной обработке поездов нужен хороший слесарь.

Ася. Gladко.

Заслонов (*берет трубку*). Кто у селекторов? Так, так. Это Заслонов. Ладно. (*Кладет трубку, снова берет.*) Дежурного по северному кругу. Это Заслонов. Как у вас

там?.. Так, так... Нет, мы из промывочного ремонта паровозы сегодня выпустим по норме, Василий Петрович. У тебя там пол-литрика водочки не найдется взаимы? Так, так... Спасибо, пришлю Егорушкина. *(Кладет трубку.)* Ах, сегодня я, Асенька, выпью и закушу.

А с я. Чем закусите?

Заслонов. Закусил бы вами, но у меня сегодня жена приезжает. Любил я вас, Ася, намекал, а вы не поняли и допустили себя до того, что моя жена приезжает.

А с я. Удивительно, откуда в вас, Константин Сергееч, столько притворства?

Заслонов. Ей-богу, я вас, Ася, люблю. Но, думаю, зачем мне губить жизнь хорошей девушки, догублю, поскольку начал, жизнь своей жены. *(Берет телефонную трубку.)* Стол диспетчера. Григорий Матвеевич? У меня сегодня с поездом 99 жена приезжает. Василий Петрович занял мне пол-литра, а больше у него нет. Ты не одолжишь? Ну вот, спасибо, зайду. Целую, милый, хороший. *(Кладет трубку. К Асе.)* Нам не страшны метели и морозы, когда среди нас водка и ваши розы. Ура!

А с я. И друзья?

Заслонов. Мы только с друзьями и собираемся.

А с я. Почему же вы тогда отправили Коржня?

Штумфе *(вбегает)*. Зачем сюда к вам приходил машинист Чеба?

Заслонов. Он жаловался на Егорушкина: безобразие, воды для паровоза нехватило!

Штумфе. Разве машинист Чеба не мог пожаловаться мне?

Заслонов. Я его и направил к вам, господин шеф. Разве...

Штумфе. Да, да, он был у меня! О-о-о... *(Уходит.)*

А с я. Волнуется. Вдруг Чеба партизан? Краутс припугивает шефа, хочет в долю в лесной завод войти, а этот вцепился. Ах, как отвратительно все это, Константин Сергееч, как отвратительно!

Заслонов. Мне кажется, вы ошибаетесь, Ася. И полковник Краутс и шеф — высокоидейные люди. Что касается Чебы, то он — вне подозрений. Шеф волнуется — метели, мины, морозы...

А с я. Константин Сергееч! Я не могу. Я скажу. Я знаю.

Заслонов. Ничего вы, Ася, не знаете, а только воображение.

А с я. Знаю. Коржень должен был исполнить какое-то

ответственное поручение. Полковник Краутс напал на его след. Вы отправляете Женю, жертвуя своей жизнью, Константин Сергееч. Поезд 884 не отошел. Идите туда, паровозники вас спрячут...

Заслонов. Эка куда вас, Ася, бросило!

Ася. Константин Сергееч, если вас убьют, я буду виновата в вашей смерти. Я!

Заслонов. Ася, что с вами?

Ася. Вчера Женя... ну, он сказал, что любит меня!

Заслонов. Ага, вот почему вы так холодно относитесь к моим признаниям!

Ася. Подождите. Мы стали говорить о нашем счастье. Он бросил намек: «Счастье будет, если уцелею».

Заслонов. И он прав. Паровозные рейды теперь опасны: мины, партизаны...

Ася. Другое, другое. Он не сказал мне ничего, Константин Сергееч, ничего. Но ведь я его люблю, и у меня сердце. Он выбрал дальше, в разговоре, полковника Краутса, и я поняла, что полковнику угрожает опасность...

Заслонов. Вздор какой!

Ася. Вы ведь Верочку Максимову знаете? Мою подругу? Вчера, после разговора с Женей, я встретила Веру. На улице. «Куда?» Смеется: «На свидание». — «А я со свидания». Подружка верная. Я не сказала, с кем свидание у меня. И она не сказала, с кем у ней, а утром еще забегала ко мне. Я узнала позже: в кабинете шефа ее встретил Краутс... Краутс пригласил ее в компанию офицеров... Она подвыпила и, подвыпив... Ах, Константин Сергееч, я не сказала, с кем у меня свидание, и у нее не могли выпытать даже моего имени...

Заслонов. Прекратим этот разговор.

Ася. Но ее пытали! Ее пытали! Всю ночь.

Заслонов. Ася! Вы нездоровы, вы бредите. Немцы — мои друзья, и я не позволю говорить о них ложь. Они не пытаются, и тем более девушек. Идите домой, лягте в постель, примите аспирин.

Ася. Константин Сергееч, поверьте мне...

Заслонов. А вы мне поверили, что я вас люблю?

Ася. Вы играли.

Заслонов. Будем считать, что и вы играете и забавляетесь. И не ваша игра у меня в голове. Я интересуюсь сыграть с моим шефом. *(Идет к двери, раскрывает ее и кричит в коридор.)* Господин шеф, что же вы? Шахматы застоялись, как кони.

Ася. И неужели вы мне не верите только оттого, что

я переводчица с немецкого? Константин Сергеевич, я заставляю вас мне поверить! Я...

Заслонов. Прекратим этот разговор.

Штумфе. *(входит)*. Прекрасно! Поезд 884 прошел уже несколько участков без остановки. Осип Чеба — великолепный машинист. Начинаем партию?

Заслонов. Давно я не играл в шахматы... Над чем вы задумались, господин шеф? Ходите.

Штумфе. В соседней комнате шумят. Ваш первый ход...

Заслонов. Я уже давно сходил, господин шеф. Может быть, нам перейти в ваш кабинет, господин шеф? Там тихо. Кажется, вы думаете не о шахматах?

Штумфе *(держит в руке шахматную фигуру)*. О, да! Я думаю о полковнике Краутсе, моем заводе и... Приходится много думать, люди так жадны... Перейдем в кабинет! *(К Асе.)* Перенесите шахматы туда и спросите у повара, готов ли мне обед. *(Уходит с Заслоновым.)*

Ася. Я убью Краутса. Штумфе держит в несгораемом шкафу гранаты. Я возьму гранату и... Страшно... А-а, какая страшная жизнь, какая страшная!..

КАРТИНА ВТОРАЯ

Та же комната часа два-три спустя. Из кабинета Штумфе выходят
Ася. В руках у нее граната.

Ася. Или лучше — из револьвера? Взять револьвер или...

В коридоре слышны шаги. Ася поспешно прячет гранату в сумочку.
Входит Штумфе.

Штумфе. Отличный обед, но Краутс испортил весь аппетит. Я очень люблю кушать курицу, а съел только одну ножку.

Ася. Краутс... жесток.

Штумфе. Жесток — пустяки! Жаден — вот плохо. Я чрезвычайно расстроен его жадностью, почти фантастической.

Ася. Вы не будете работать вечером, господин шеф?

Штумфе. Как мне работать, когда я теряю много-много тысяч марок? Я вынужден принять в компанию в мой лесной завод жадного и ничего не понимающего в лесной промышленности субъекта. О, война! Она чрезвычайно ослабляет нравственность. Я страдаю...

Ася. Мне можно идти, господин шеф?

Штумфе. Я приказал пригласить сюда Егорушкина,

начальника водоснабжения. Проверьте, почему его нет. И Заслонова. Мне не нравится положение с водой.

А с я. Заслонова?

Штумфе. А что? Вы можете сказать что-нибудь подозрительное о Заслонове? Станный инженер. Я ему верю час, а другие два часа не верю. Но мне было бы трудно без него. Что вы скажете о нем?

А с я. Я его совсем не знаю.

Штумфе. Он тоже очень жадный. Боюсь, что это он рассказал о прибылях на моем заводе полковнику Краутсу.

А с я. Что вы, господин шеф! Вы сами всем рассказываете о своих прибылях.

Штумфе. Да, я очень, очень доверчив. Мне моя супруга и даже мои дети в Германии всегда говорят: «Ты, Генрих, многое можешь потерять, если всем доверишься». И, увы! Сегодня я потерял... Моя супруга и мои дети значительно обеднели... Можете идти, я не могу работать, я расстроен. Война — прибыльная вещь, но она очень отражается на сердце.

А с я уходит. Штумфе один. Он достает записную книжку, смотрит в нее и сокрушенно вздыхает.

Штумфе. Мерзавец! Грабитель! Полковник германской армии — мерзавец и грабитель. Как тяжело!

Входит Заслонов.

Заслонов. Добрый вечер, господин шеф.

Штумфе. 884 идет отлично. Чеба — прекрасный механик. А?

Заслонов. Я очень рад ошибиться, господин шеф. И я радуюсь вашей прозорливости.

Штумфе. У меня есть прозорливость на пользу моего государства. Но мало на мою пользу.

Заслонов. Какие-нибудь неполадки на лесном заводе?

Штумфе. Да. Очень большие неполадки. Я предполагал разбогатеть и уехать отдыхать в Германию...

Заслонов. Вас задерживают военные условия, господин шеф?

Штумфе. Какие военные условия, если у вас полон бумажник? У меня опорожнили бумажник. И я опасаюсь, что его могут опорожнить еще больше. У меня кружится голова, мне кажется, что я заблудился в лесу...

Заслонов. Понимаю вас. Я сам вырос в лесу. Лес — это странная штука, господин шеф. Он полон загадочности и суеверий даже и тогда, когда он довален и превращен в доски, как, например, на вашем заводе. Вам может пока-

заться удивительным, но для меня зимний лес всегда напоминает рыжего петуха.

Штумфе. Петуха? Ха-ха-ха! Очень поразительная ассоциация. Лес и рыжий петух! Ха-ха-ха!

Заслонов. Может быть, потому, что моя мамаша в затруднительных случаях, особенно, если они связаны с лесом, всегда гадала при помощи рыжего петуха.

Штумфе. И... угадывала?

Заслонов. Конечно. Задуманные ею предприятия при помощи рыжего петуха всегда удавались.

Штумфе. Забавно. Как же это гадают при помощи рыжего петуха?

Заслонов. Чрезвычайно просто. Вы рассыпаете по полу двенадцать зерен.

Штумфе. Двенадцать зерен. (*Записывает.*) Каких зерен?

Заслонов. Разумеется, ржи. Рассыпали?

Штумфе. Да.

Заслонов. Затем выпускаете рыжего петуха и начинаете считать до двенадцати, в то же время... Впрочем, извините меня, я болтаю вздор.

Штумфе. Почему вздор? Очень высокие люди Германии занимаются астрологией, хиромантией и даже магией. Над будущим не одна завеса, господин инженер, а много. И есть много способов приподнимать эту завесу. Продолжайте, пожалуйста.

Заслонов. Итак, вы начинаете считать до двенадцати, а петух начинает клевать зерна. Если до конца вашего счета петух успел склевать все двенадцать зерен, вас ждет необычайная удача, причем, само собой понятно, вам надо смотреть, какие зерна и с какой стороны клюет петух, — оттуда идет удача.

Штумфе. Заслонов! Я сейчас принесу зерен ржи и прикажу найти рыжего петуха. Мы будем гадать.

Заслонов. В вашем кабинете, господин шеф?

Штумфе. Гадают не только в моем кабинете, гадают в кабинете фюрера! (*Уходит.*)

Входит Егорушкин.

Егорушкин. Константин Сергееч, есть тут еще кто?

Заслонов. Суетятся. Краутс суетится, Штумфе того более, даже эта вертихвостка Ася — и та беспокоится. Мы одни, Егорушкин. (*Егорушкин передает ему бумажку.*) От Осипа Иваныча? (*Читает.*) Все насчет Пелагеи Семеновны. Что он такой мрачный?

Егорушкин. Помирать кому охота, Константин Сергеич!

Заслонов. И ты уверен, что ему я велел помирать?

Егорушкин. Мы так тебя поняли, Константин Сергеич, что надо спасти Коржня... а там, в паровозе, ведь немец с пистолетом стоит... Ну, Чеба и решил. Так что ты уж помоги Пелагее Семеновне.

Заслонов. Помогу. А ты?

Егорушкин. Прошу поручить мне дело Чебы — взрыв клуба.

Заслонов. Нет. Для взрыва нужен человек точный, а ты нервный, ты игрок. Назначу тебе взрыв клуба в семь, а ты взорвешь в пять.

Егорушкин. Стар я, стало быть, головой слаб?!

Заслонов. И кроме того, в тебе немцы не сомневаются. После меня ты принимаешь все диверсии по Орше.

Егорушкин. А ты куда ж, Константин Сергеич?

Заслонов. Меня уже три раза в гестапо таскали, а в четвертый не выйти. Да и напугал следов я много. Сказал немцам, что в поезде 99 едет моя жена, а она в Чкаловской области; что поеду я в Зальцбург... Придется в леса уходить. А жалко Оршу оставлять! Бьют наши немца под Москвой, немец резервы подбрасывает, а мы их — под откос. Сколько мы с тобой запланировали крушений и порч паровозов на три месяца?

Егорушкин. Двести пятьдесят.

Заслонов. А выполнили сто семьдесят восемь. Впервые плана своего не выполняю. Значит, не отвлек внимания неприятеля в сторону, не разделил его силы.

Егорушкин. Да ведь и трех месяцев не прошло, Константин Сергеич. Успеем еще..

Заслонов. Сегодня?

Егорушкин. Что сегодня?

Заслонов. Сегодня успеем?

Егорушкин. Семьдесят два паровоза в один день?

Заслонов. Испугался?

Егорушкин. Я, Константин Сергеич, стар, мне шестьдесят. Чего мне немца пугаться?

Заслонов. Ух, как покраснел! А говорит: «Я не нервный». Опасаюсь, что радиограмму, которую я тебе сегодня поручил, от нервности ты перепутал.

Егорушкин. Да что ты придираешься, Константин Сергеич! Радировал точно: прилетать бомбардировщикам в пять вечера, сигнализируем — зеленая, красная, зеленая ракеты. Еще чего надо?

Заслонов. Зеленая, красная, зеленая? Прошлый раз была красная, зеленая, красная. Так? А ракетница где? Принес ты ее тогда мне?

Егорушкин. Нет, не принес.

Заслонов. Спичками я сигнализирую? А со мной рядом в бомбоубежище генерал немецкий сидел. Дай бы я сигнал, наши бы такую бомбу в убежище спустили, от генерала и капельки соплей не осталось бы! А генерал-то какой — фон-Бурггер! Птица страус!

Егорушкин. Страус-то — страус, да ведь в одной клетке с этим страусом ты сидел, Константин Сергеич. Вот я и не послал тебе ракетницу. Да оно и к лучшему. Благодаря тому генералу ты от смерти ушел, от гестапо...

Заслонов. Это разговор другой, а вот, что ракетницу не прислал, есть невыполнение приказаний начальника отряда, и за это объявляю тебе, Егорушкин, строгий выговор.

Егорушкин. Слушаю. Прикажете итти, товарищ начальник?

Заслонов. Сегодня ты ракетницу принес? Давай! (*кладет в карман ракетницу.*) Ну как, рубанем, Егорушкин?

Егорушкин. Рубанем, дядя Костя.

Заслонов. Чувствую: сегодня здорово рубанем немца. Иди сообщи ребятам, чтоб зажгли лесной завод № 3. Через полчаса!

Егорушкин. Трудновато будет через полчаса, Константин Сергеич.

Заслонов. Трудновато? Охрана сильная? А русским людям, которых мучают, пытаются немцы, — русскому народу не трудновато? Он ждать тебя будет? Верочку Максимову знаешь? Девушку из конторы?

Егорушкин. Такая беленькая?

Заслонов. Такая беленькая, да! И вот запытали — умирает в подвале. А там еще есть приговоренные. Нетерпелив ты, Егорушкин, да только, вижу, на водку... А на тебя, Егорушкин, вся Россия смотрит, ждет подвига. Шестьдесят лет, говорит, мужику, а он какой герой!

Егорушкин. Иду, Константин Сергеич!

Заслонов. Иди, а то, кажется, Штумфе возвращает-ся... с рыжим петухом... Через часик отсюда из окошечка увидит он своего рыжего петуха на лесном заводе...

Егорушкин уходит.

Заслонов (*берет телефонную трубку*). Петр Григорьевич, кто это приказал рассредоточить составы? Да!

Отменить! Все ремонтные бригады рабочих отправить в поезде 65. Да! Приказ Штумфе.

Входит Штумфе.

Штумфе. Вы назвали мое имя, инженер?

Заслонов. Да, да! Я приказал от вашего имени посадить под арест на трое суток Егорушкина. С водой чорт знает что делается! А где же рыжий петух?

Штумфе. Оказывается, рыжего петуха трудно достать. В этой стране все трудно достать.

Заслонов. Кроме смерти.

Штумфе (*ищет что-то на полу*). Вы сказали — смерти? В ваших словах есть частица правды: я последнее время много думаю о смерти. Я никогда столько не думал о смерти! Я всегда думал о доходах, о семье, о друзьях, о кушанье, но о смерти... Вы не заметили небольшой ключик от несгораемого шкафа?

Заслонов. А вон он, возле стола, блестит. Разрешите? (*Наклоняется, делает вид, что шарит, и подает ключ.*) Мне, собственно говоря, не надо было б указывать вам ключ. В шкафу, наверное, секретные бумаги, и Краутс скажет, что я подобрал ключи...

Штумфе. Я вам доверяю, инженер. Краутс вам тоже доверяет, но у него профессия: он не может не подозревать. Подозрение — вещь заразительная. И я тоже...

Заслонов. Заразились?

Штумфе. Я начинаю думать, что в городе есть партизаны. Я подозреваю, что в деревнях их меньше, чем в городе. Буду откровенен, инженер. Час тому назад я уговорил полковника отправить еще отряд на охрану лесного завода № 3, а теперь начинаю думать, не распыляем ли мы силы...

Заслонов. Разрешите мне прервать вас, господин шеф. Я не люблю слушать военные тайны. Это меня не касается. Я узкий специалист.

Штумфе. Я знаю, что вы узкий специалист, и поэтому делюсь с вами своими волнениями. О, господин Заслонов! Не так трудно овладеть сокровищами, как их трудно сбереечь. У меня трое детей. Старший мой сын — хороший хозяин, энергичный, бережливый. Второй, хотя и молод, но уже, видно, другой характер. Он мот, пьяница; мало того, он развратник. Но — странный порядок природы — я его люблю больше всех. И скажите мне, инженер, вы, русский, хорошо знаете, что такое мотовство, скажите, неужели он, Альбрехт, промотает мой лесной завод, добытый с таким трудом?

Заслонов. На это может ответить только рыжий петух, господин шеф.

Штумфе. Я приказал, чтоб через полчаса рыжий петух был здесь.

Заслонов. Убежден, что вы его увидите, господин шеф. Не сыграть ли нам еще партию в шахматы?

Штумфе. Нет, нет, я чересчур взволнован.

Незаметно входит Краутс.

Краутс. А кроме того, все ваши партии, Заслонов, проиграны. Проиграны благодаря моему мудрому ходу: я поднял цену на вашу голову!

Заслонов. Смотрите, господин полковник, как бы из-за ошибочных расценок не произошла в Германии инфляция.

Краутс. Я назначил десять тысяч марок за голову партизанского вожака и узнал все.

Штумфе. Что же вы узнали?

Краутс. Взрыв в клубе лесопромышленности назначен сегодня на пять пятьдесят. Кроме того, в пять тридцать убивают меня! Но я, я... *(Подбегает вплотную к Заслонову.)* Но я перехитрил вас! Через полчаса я назначаю собрание в клубе — за полтора часа до вашего взрыва! Что вы скажете на это, Заслонов?

Заслонов. То, что вы думаете.

Краутс. А что я думаю?

Заслонов. Вы думаете: хорошо было б послать нашим агентом в шайку партизан его, Заслонова.

Краутс. Вздор!

Штумфе. Глупейший вздор!

Заслонов. Другого выхода вам нет. Партизан надо обезоружить, так как они чудовищно рассредоточивают ваши силы. Рассредоточивают настолько, что, несмотря на опасность взрыва, вы все равно устроите собрание в клубе лесопромышленности и вы, полковник, должны будете туда поехать. Городские деятели и городские агенты встревожены, их надо успокоить.

Краутс. Я не поеду!

Штумфе. Тревоги среди немцев и дружественных им русских нет. Видите, я тоже не еду в клуб лесопромышленности.

Заслонов. Завтра, перед тем как сесть в поезд, направляющийся в Зальцбург, я хотел бы получить десять тысяч марок. Приятная сумма. Я получу ее, если поймаю партизанского вожака?

Краутс. Вы их получите.

Заслонов (к Штумфе, указывая на Краутса). Остерегайтесь полковника. Он любит играть словами. Только что он обвинял меня в диверсиях, а сейчас поручает мне поймать диверсанта. Я извиняю вас, полковник, ваш поступок. Он объясняется тем, что ваши сведения плохо проверены. Поезжайте спокойно в клуб лесопромышленности. Постараюсь через час сообщить вам точные сведения о взрыве, о вашем убийстве и прочих неприятных вещах...

Штумфе. У вас, инженер, есть подозрения? Кого вы подозреваете?

Краутс. Ваши глаза бегают, инженер?

Штумфе. Да, они покраснели. Господин полковник! Меня чрезвычайно волнует вся эта ситуация. Я и доверяю инженеру Заслонову и...

Краутс. Я тоже «и»... Но что я могу сделать, если вокруг меня снега, холод и это проклятое «и»? И нет друзей! Заслонов, я согласен. Ищите.

Заслонов. Найду.

Краутс. Штумфе, вам пора ехать в клуб.

Штумфе. Но я необходим здесь. Поезда...

Краутс. Здесь остаюсь я! Штумфе!..

Штумфе. Еду.

Краутс. Заслонов! Какой дорогой поедет Штумфе?

Заслонов. Есть две дороги. Мимо гостиницы и мимо бывшего доминиканского монастыря.

Краутс. А мимо немецкого кладбища?

Заслонов. Там дорога ремонтируется, а кроме того, лесок.

Краутс. Что же — лесок?

Заслонов. Из леса легче бросить бомбу.

Штумфе. Какую бомбу?

Заслонов. Ту, которая разрывается и от которой человек тоже разрывается.

Краутс. Штумфе, он прав. Вы поедете мимо гостиницы.

Штумфе. Еду. Ну, а петух?

Краутс. Какой еще петух?

Штумфе. Астрологический опыт с петухом, господин полковник.

Краутс. Глупости!

Заслонов. Я тоже говорю, что глупости. Законы войчи и законы рыжего петуха, хм...

Краутс. Рыжий? Позвольте. Но что-то я слышал об этом рыжем петухе в детстве... Он клюет зерна, не правда ли? У вас опять в глазах усмешка, Заслонов?

Заслонов. А вдруг петух-то знает больше и лучше, чем кончится эта война?

Штумфе. Возможно. Вот вы, господин полковник, перенесли собрание в клубе на полтора часа раньше, а может быть, петух скажет другое.

Краутс. Штумфе! Трусите ехать?

Штумфе. Я не офицер, а промышленник, войной назначенный в шефы станции. Кроме того, дорога мимо гостиницы мне кажется опасной.

Краутс. Поезжайте мимо доминиканского монастыря. Впрочем, почему мимо доминиканского монастыря? Вы едете мимо гостиницы. И смешно! Смешно, Штумфе, и постыдно думать вам о рыжем петухе. И кто выдумал этого рыжего петуха? Что это, намек? Намек на огонь? Опять вы, Заслонов! Не смотрите на меня такими глазами, иначе я вас прикажу повесить. Я и без вас найду партизана! Я назначу пятьдесят тысяч марок, сто тысяч, но найду. Что вы этим взором создаете во мне?

Заслонов. Я ничего не создаю в вас, господин полковник, вы напрасно кричите на меня. Вы сами создали в себе...

Краутс. Что? Что я создал?

Заслонов. Если б я был петухом, я сказал бы, что вы создали в себе предчувствие смерти.

Краутс. Это вы чувствуете приближение смерти, инженер!

Заслонов. Абсолютно не чувствую.

Краутс. К стенке!

Заслонов *(пожимая плечами)*. Пожалуйста.

Краутс. Не держитесь за стул. Стойте прямо.

Заслонов. Голову поднять? Вот так? Торопитесь стрелять, господин полковник, а то опоздаете на заседание в клуб.

Краутс. Нет. Сначала я тебя поймаю, а затем... двадцать раз убью! Убью! *(Убегает.)*

Штумфе растерянно идет к дверям.

Заслонов. Умный! С такими умными приятно иметь дело. Но все его несчастье в том, что он преувеличивает размеры своего ума. Господин шеф! А ведь, кажется, вам несут рыжего петуха.

Штумфе. Да, да! Я не знаю, ехать мне или остаться. *(Кричит.)* Господин полковник! О, кажется, он хочет убить моего петуха. Господин полковник, господин полковник!.. Умоляю вас... *(Убегает.)*

Заслонов (*садится за стол, работает*). «Замечающиеся обрывы автотормозных рукавов... пережог топлива... есть возможность урегулировать».*(Выстрел.)* В петуха разрядил. Горяч, но не глуп, шельма.

Пауза. Входит Пелагея Семеновна.

Заслонов. Здравствуйте, Пелагея Семеновна! Как поживаете?

Пелагея Семеновна. Да как же тут поживать, Константин Сергееч! Мало им людей — петухов начали стрелять.

Заслонов. Стало быть, это ваш убиенный петух-то, Пелагея Семеновна?

Пелагея Семеновна. Мой, мой, Константин Сергееч. Велели привезти к шефу. Думаю, верно, для Германии рыжих петухов мобилизуют, я и погрузилась...

Заслонов. И лошадь ваша?

Пелагея Семеновна. Да ведь какая ж это лошадь, Константин Сергееч? Она ведь еще в ту германскую снаряды возила.

Заслонов. На лошади петуха и привезла? С утра запряжена?

Пелагея Семеновна. Хозяин велел раным-рано запречь.

Заслонов. Осип Иваныч?

Пелагея Семеновна. У меня один хозяин — Осип Иваныч.

Заслонов. Машинист Осип Иваныч Чеба? А имущество зачем он велел погрузить на телегу?

Пелагея Семеновна. Велел — и погрузила. Мое дело бабье.

Заслонов. Побольше бы нам таких баб, Пелагея Семеновна.

Пелагея Семеновна. Ну, уж и скажешь — побольше.

Заслонов. Осипа Иваныча послали с поездом 884. Полковник Краутс послал. Понятно? Я не знаю, что Осип Иваныч думает, но он велел тебе, Пелагея Семеновна, гнать лошадь к Семеновскому ручью. Понятно?

Пелагея Семеновна. Да я утром и спрашиваю: куда, мол? А он: «Поедем мимо Семеновского ручья...»

Заслонов. А ехать-то тебе, Пелагея Семеновна, к Семеновскому ручью не мимо ли немецкого кладбища?

Пелагея Семеновна. Нет, другой дорогой.

Заслонов. А я тебя попрошу — сверни. Крюк не велик.

Пелагея Семеновна. Да ведь времени нету.

Заслонов. Встретится тебе там такая девушка—Ася.

Пелагея Семеновна. Не по дороге. Она с немцами путается. Сикритарь, что ли?..

Заслонов. Выбежит она из немецкой машины. А в машине — полковник Краутс, убитый. Кем? Не твое знание. Твое знание посадить ее в телегу. Да скажи ей: «Дядя Костя вам верит». Вот и все.

Пелагея Семеновна. А у меня и шуба есть ее прикрыть. Я ее на случай — под матрац да шубой. Понятно?

Заслонов. А говоришь, поменьше бы нам таких баб. Побольше бы! Ну, с богом, Пелагея Семеновна.

Пелагея Семеновна уходит.

Заслонов. Пусто, одиноко сонное село,
Вьюгами глубоко избы занесло.
Лишь в одной избушке...

Вбегае Ася.

Ася. Мне нужно вернуть Штумфе ключ от шкафа. А то вы здесь целый день. Он может подумать на вас, Константин Сергееч.

Заслонов. Ключ? У него есть ключ. Он только что отмыкал шкаф.

Ася. Значит, у него два ключа? Это невозможно.

Заслонов. У шкафа как раз такой солидный вид, что ему без двух ключей не обойтись.

Ася уходит в кабинет и быстро возвращается. Заслонов напевает.

Ася. Я положила гранату. И взяла револьвер.

Заслонов. Вот уж что мне неинтересно — то неинтересно.

Ася. Вы знаете, Верочка от побоев... умерла.

Заслонов. Немцы не бьют. Она, наверное, умерла с испуга.

Ася. И я решила застрелить Краутса. Граната — чепуха. Я хочу видеть, насладиться его испуганной рожей.

Заслонов. Ася! Вы агент?

Ася. Какой агент?

Заслонов. Немецкий. Агент гестапо. Так, чтобы вы не тратились зря, доложу вам, что я тоже агент и тоже ловлю дурачков на любовь и на нежность к разным замученным Верочкам, на которых мне в высшей степени плевать.

Ася. Я не агент,

Заслонов. И я в таких случаях говорю, что я не агент.

Ася. Как это ужасно!

Заслонов. Жизнь и война. Ну, и большевики, конечно, надоели.

Ася. Мне они совсем не надоели.

Заслонов. Удивительный факт из вашей биографии.

Ася. Неправда! Я знаю — вы мне не верите: переводчица у немцев. Но я докажу. Я застрелю Краутса. Он сейчас поедет в клуб...

Заслонов. Ну, поедет. Во-первых, не Краутс, а Штумфе...

Ася. Краутс передумал. Решил ехать сам.

Заслонов. Во-вторых, Краутс поедет на машине, и вы, милая, опоздали.

Ася. Опоздала? А, может быть, у него испортится машина, он остановится, и я... я догоню его! Мне бы узнать, по какой дороге он поедет: мимо гостиницы или мимо доминиканского монастыря?

Заслонов. Он поедет мимо немецкого кладбища.

Ася. Там плохая дорога.

Заслонов. Такова уж немецкая психология, насколько я ее понимаю. Ну, простите меня: надо работать. *(Раскрывает какую-то папку.)*

Ася. Заслонов! Нет! Мне Коржень говорил, что вас зовут дядя Костя. Да? Ну, дядя Костя, хороший, добрый... Я твердо уверена, что вы добрый, но вам надо быть почему-то злым. Дядя Костя! Поверьте мне на минутку, только на одну минутку. Я глупая была, у меня братишку убили на войне, осталось трое... да еще мама... И кушать нечего... Я и поступила переводчицей... Но я всегда была советской. Вы верите мне, дядя Костя, хороший дядя Костя, верите?

Заслонов. Это вам скажет Пелагея Семеновна.

Ася. Какая Пелагея Семеновна?

Заслонов. Вот та самая.

Ася. Я ничего не понимаю, ничего!

Заслонов. Скоро поймете.

Ася. Боже мой, но что же мне делать? Итти, ехать к немецкому кладбищу? На чем?

Заслонов. Если уж вам так хочется погулять по немецкому кладбищу, попросите полковника Краутса: он довезет, ему по пути. Вам что, на могилу немецкого офицера надо цветы положить?

Ася. Да, да! Цветы. Хорошо придумано!

Заслонов. Рекомендую только завернуть их в газету — мороз, могут замерзнуть. Вот вам газета. Извините, мне надо работать. (*Вглубляется в бумаги.*) Да и вам надо торопиться: Краутс с минуты на минуту уедет.

Ася. Прощайте, дядя Костя. Спасибо.

Заслонов (*не отвечает, идет к двери, приоткрывает ее*). Петр Григорьевич, не одолжишь ли мне счеты?

Ася уходит. Заслонов подходит к двери, слегка приоткрывает ее. В дверях кто-то протягивает счеты. Заслонов берет их. Слышен неразборчивый голос. Заслонов слушает, перебрасывая костяшки.

Заслонов. Что-то неправдоподобное, Петр Григорьевич. Поезд 884 наскакивает на поезд 99? 884 — вдребезги, а 99 цел? Как же так? Я еще таких сведений не получал. А, у Штумфе? Ну что же? Я тут ни при чем. Он сам выбирал машиниста Чебу. (*Отходит к своему столу, напевает.*)

Пусто, одиноко сонное село,
Вьюгами глупо избы занесло.
Тишина немая в улицах пустых,
И не слышно лая псов сторожевых.
Лишь в одной избушке огонек горит...

Входит Штумфе.

Заслонов. А, господин шеф! Вы не поехали в клуб? Что же с петухом? Неужели господин полковник так-таки и пристрелил его?

Штумфе (*уныло отпускаясь на стул*). Ужасное событие! 884 наскочил на 99! Краутс уехал. Он еще не знает. Что я ему скажу? Вот он сейчас позвонит по телефону. Что я ему отвечу? Мертвые! Солдаты гестапо. Семьсот! Все мертвые! О! О-о-о!.. Немцы мы или не немцы? Я вас спрашиваю?

Заслонов. Вы немцы.

Штумфе. Победители?

Заслонов. Безусловно, победители.

Штумфе. Так почему на моем сердце нет спокойствия? Почему я не могу спокойно зарабатывать и откладывать деньги? Почему у меня нет немецкого достоинства, а я бегаю и визжу, как щенок? Почему, я вас спрашиваю?

Заслонов. Вы меня спрашиваете, так сказать, теоретически?

Штумфе. А отстаньте с вашей теорией!

Заслонов. Что же касается практики, так я же вам говорил: не посылайте с 884 машинистом Осипа Чебу.

Штумфе. Чеба? Что Чеба? (*Слышен отдаленный взрыв.*) Вы слышите? Бомбежка. Русские самолеты.

Заслонов (*глядит на часы*). Нет. Сирены не было. Кто-нибудь опять побаловался с гранатой, вздумал на Днепре рыбу глушить.

Штумфе. Зимой глушить рыбу? Вы смеетесь? Что у вас в глазах? (*Хватает телефонную трубку.*) Какой взрыв? Клуб? (*К Заслонову.*) Это очень ужасно. Взрыв в клубе. Я беспокоюсь за Краутса.

Заслонов. Он не успел доехать. Сейчас он как раз возле немецкого кладбища.

Штумфе. Откуда вам известно, что он едет мимо немецкого кладбища? Мне не нравится этот разговор, Заслонов! Вы чересчур много знаете. Вы мне внушаете подозрение. Да! Теперь я понимаю: Чеба — ваш партизан.

Заслонов. Подозрение заразительно. Вы заболели болезнью Краутса, дорогой шеф.

Штумфе. Я вам не дорогой! Краутс прав. Вы подслушали, что Краутс узнал, где вложены мины под клуб, и поехал арестовать минера, а вы... вы в это время отдали приказ взорвать клуб!

Заслонов. Ну и что же? Отдал приказ. Верно. Я, господин шеф, так рассчитал: мой минер человек нервный и взорвет клуб раньше времени — на час, на два. Так оно и случилось. Он взорвал как раз в те минуты, на которые господин полковник Краутс перенес собрание. Сознаюсь. Но ведь неплохо сделано?

Штумфе. О, я не могу верить! Что вы говорите?!

Заслонов. Только правду, господин шеф, только одну толую и чудесную правду. Да, по моему приказанию Чеба столкнул поезда. По моему приказанию взорван клуб лесопромышленности со всем фашистским содержимым. По моему приказанию убит полковник Краутс и будете убиты вы!

В соседней комнате шум, крики. Падают стулья, кто-то бежит. Распахивается дверь, и показывается окровавленный, тяжело раненный Краутс.

Краутс. Полковник Краутс не убит! Нет! Убит будете... вы, Заслонов. Я обещал вас убить.

Заслонов. Мало ли что обещали немцы, полковник

Краутс. Я обещал... я убью! Я приехал... В меня стреляли... Я не убит... Я буду стрелять... (*Поднимает револьвер.*)

Заслонов. Осторожно! Что произошло с этим безумцем? Он целится в вас, Штумфе!

Штумфе. Да, вы целитесь в меня, полковник. Опомнитесь! Это я, я, Штумфе. Куда же целитесь, Краутс?

Крауцс. Жизнь убегает... Меня убил Заслонов... Я собрал последние силы, я еле дотащился... Штумфе... где ваш петух?

Штумфе. О, господин полковник! Я приказал сжарить рыжего петуха. Вы хотите кушать?

Крауцс. Я хочу жить... но я... Штумфе, они подожгли ваш лесной... номер третий... он горит...

Штумфе. Мой лесной завод горит?! (*Геребит Крауцса.*) Вы бредите, полковник. Вы ошибаетесь!

Крауцс (*опускается на пол*). Заслонов зажег ваш лесной... Заслонов. Я ослеп, Штумфе. Убейте вы Заслонова, а я... (*Умирает.*)

Штумфе. Полковник, полковник!

Заслонов. Подох ваш полковник. Ну что ж, никто нам не мешает теперь своими подозрениями. Поговорим, господин шеф, теоретически. А?

Штумфе. Я убью вас, инженер.

Заслонов. Берите ж револьвер, вон он лежит. Что? Не можете? Нет, если уж меня Крауцс не убил, то вам, Штумфе, не убить и подавно. А. кроме того, ведь завод-то ваш действительно горит. Ну что ж, берите револьвер, берите, пока не поздно. (*Достает револьвер.*) Ну, сопровивляйтесь же! Куда вы?

Штумфе (*встает и твердо направляется к столу*). Я иду к телефону.

Заслонов. Пожалуйста.

Штумфе (*берет трубку*). Говорит шеф. Дайте комендатуру. Комендатура? Говорит шеф. Что — мой лесной завод? Да? Горит? (*Пауза. Твердым голосом.*) Я прошу пригнать солдат, арестовать виновника пожара — инженера Заслонова. Да. У меня. Да. Человек, который сжег мой завод, должен быть повешен. Да. (*кладет трубу у. к Заслонову.*) Вас повесят. Вы арестованы.

Заслонов. Должен вам сказать, господин шеф, что свое имущество вы умеете лучше защищать, чем государственное. Положим, вы правы. Чего вам защищать имущество Германии, когда его сейчас начнут бомбить русские самолеты?

Штумфе. Как поздно я вас разгадал! Это вы сигнализировали им?

Заслонов. Да, я им радировал. (*Штумфе кидает к телефону.*) Не трудитесь, линия перерезана. (*Штумфе бежит к дверям.*) Штумфе, остановитесь! Зенитчиков надо застигнуть врасплох. Остановитесь!

Штумфе выбегает за дверь. Заслонов стреляет — крик и падение тела за дверью.

Заслонов. Ну вот, дурак, предупреждал тебя — остановись.

Сирена. Входит Ася.

Ася (*трепещущая от смущенья*). Константин Сергееч! Заслонов. Слышите, Ася? Это наши летят. Ну, поздравляю вас, Ася, вы стреляете очень хорошо.

Ася. Константин Сергееч, я уговорила Целагею Семеновну заехать за вами.

Заслонов. Нет, поздно на лошади. Пойдем в лес пешком. Теперь я вас поведу. Но, прежде всего...

Ася. Да, да, прежде всего — Женя спасся?

Заслонов. Спасся. Да и Чеба тоже спасся. Будем все вместе. Но прежде всего я должен сказать... (*шшшш.*) Кто это там? Неужели солдаты? Меня арестовывать? (*берет револьвер.*) Кто там?

Четкие и ровные шаги приближаются. Дверь распаивается. В белом колпаке и переднике повар. В руках у него блюдо, прикрытое салфеткой.

Повар. По приказанию господина шефа станции, петух, жареный картофель, пиво.

Заслонов. Нет, в Германии есть еще дисциплина. Благодарю вас, господин повар, от имени шефа станции. Можете идти.

Повар. Приказаний других не будет?

Заслонов. Нет, только восхищение. (*Повар уходит.*) Итак, прежде всего я должен вам сказать, Ася... (*берет газету и закрывает петуха.*) Пиво тоже захватите, я голоден.

Ася. Скорей, Константин Сергееч!

Заслонов. Да, вы правы: я забыл дать ракеты...

Ася. Какие ракеты?

Заслонов. Видите ли, я обещал нашему командованию взорвать в течение трех месяцев двести немецких поездов и паровозов. Я могу выполнить план только при поддержке всей советской общественности. И поэтому я должен указать нашим бомбардировщикам, нашей общественности, куда класть бомбы. Зеленая... (*Открывает форточку и пускает ракету.*) Но прежде всего я должен вам сказать, Ася, что... красная... (*пускает ракету*) что я лично, Ася, насчет любви к вам... зеленая... (*пускает ракету*) насчет любви делал испытание: я люблю одну женщину — мою жену.

Ася. А я одного мужчину — Женю Коржия.

Заслонов. Приятное единогласие. Позвольте, но ведь я зря хвалил повара. Он забыл положить хлеба! Нет, падает дисциплина в Германии. Падает с нашей помощью. Идем, Асенька! Надо ее подтолкнуть, чтобы она совсем упала. (*Входят.*)

На сцену выбегает напуганный повар. Он кричит, воздев руки, что-то непонятное, испуганное.

Грохот падающего здания. Темнота.

К о н е ц

ОТ АВТОРА

К. С. Заслонов — лицо историческое. Первоклассный инженер-паровозник, он работал на станции Орша. Отсюда летом 1941 года он был эвакуирован в Москву. Здесь у него большая и интересная работа, но тем не менее он тосковал. В его депо, где он был начальником, хозяйничают немцы!.. И вот в сентябре тридцать человек, в большинстве машинисты и помощники, работавшие ранее в депо Орша, по предложению Заслонова, составили партизанский отряд. Командиром отряда был назначен К. Заслонов, позже любовно прозванный «дядей Костей». У него появился план борьбы с немцами.

Отряд перешел фронт. Заслонов вернулся в Оршу и поступил в то же депо, где некогда работал. Приближалась суровая русская зима. Немцы нуждались в опытных железнодорожниках, и Заслонов вскоре был назначен начальником русских паровозных бригад. Тогда он приступил к выполнению своего плана. На все важные участки работы он расставил своих людей. В город из деревни в мешках с картофелем привезли взрывчатку, гранаты и пистолеты. На Западной дороге, по важнейшему участку Орша — Смоленск, в момент яростного наступления немцев на Москву начались крушения, взрывы и порча паровозов. По неполным данным, за декабрь 1941 и январь — февраль 1942 года, до своего ухода со станции Орша, Заслонов уничтожил 178 паровозов и пустил под откос 11 поездов; было брошено в пути якобы из-за морозов 75 поездов; убито и ранено несколько тысяч немцев. Немцы за голову неизвестного партизана назначили 5 тысяч рублей.

Заслонов уходит в леса Белоруссии. Пятьдесят крушений поездов устроил отважный партизан. Разгромлено несколько немецких волостей. Сожжены и отобраны десятки тысяч тонн хлеба. Уничтожено около 15 тысяч немцев. За голову Заслонова назначено 80 тысяч марок или крупный завод в Германии. Заслонов неуловим.

Правительство Союза награждает его орденом Ленина. После смерти, последовавшей во время яростного боя с захватчиками возле деревни Н., Заслонов получил звание Героя Советского Союза.

Его отряд и поныне весьма успешно продолжает борьбу с немцами в лесах Белоруссии, храня заветы Заслонова: смелость, беззаветную преданность отчизне, — все то, что рождает подвиг, рождает имя героя!

КОГДА СЕРДЦЕ ГОВОРИТ

Водевиль в одном действии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Шевцова Варвара Петровна (Варя) — агроном райсеххоза, 20 лет.

Тешина Аграфена Михайловна — председатель колхоза, пожилая женщина.

Лушка — ее дочь, 12 лет.

Голубкина Маруся — звеньевая, 22 лет.

Суменкова Надя — счетовод колхоза, секретарь комсомольской ячейки, 22 лет.

Клава — колхозница, 18 лет.

Леша — тракторист, 15 лет.

Настя — трактористка, 17 лет.

Кузякин Тихон (Тиша) — сержант, 22 лет.

Ермаков Вадим Николаевич — техник-лейтенант, 25 лет.

Дядя Сережа — старик, сторож.

Действие происходит в колхозе, недалеко от Москвы, во время уборки урожая.

Сцена представляет часть поля недалеко от молотильного тока. В глубине — новый бревенчатый амбар (зернохранилище), крытый соломой. Над ним несколько берез с желтеющей листвой. Справа — стог обмолоченной соломы. На заднем плане — колхозные избы на пригорке. Между деревьями белеют свежие срубы. Вечереет. Дворь в амбар раскрыта. Девушки носят туда мешки с зерном.

Аграфена Михайловна, пожилая женщина с приятным лицом, в мужском пиджаке поверх темного сарафана, в сапогах, со светлой косынкой на голове, выходит из амбара. В руках бумажка.

Агр. Мих. Маруся, сколько нынче обмолотила?

Маруся (*невысокая коренастая девушка в сарафане, косы закручены на затылке. С мешком на спине*). До обеда сорок два мешка, Аграфена Михайловна, да посла мешков двадцать пять. Во какой попался пузатый. Будь здоров! (*Проходит в амбар*.)

Агр. Мих. Что делать! Горит в закромах зерно. А тут еще бумажку лаборатория прислала. Агрономцу не видели?

Клава (*с мешком*). Варвара Петровна с механиком на току лаетса. (*Наталкивается на Марусю*.) Куда лезешь, горластая?

Маруся (*вытирает лицо кончиком косынки*). Прощенья просим. Тетя Груша, что ж это получается?

Агр. Мих. Чего тебе?

Маруся. Да как же так: косьба есть работа самая физическая. А тебе пятьдесят восемь соток пишут.

Агр. Мих. Ну и что же?

Маруся. А я возмущаюсь.

Агр. Мих. Ишь ты, какая возмутительная! Счетоводу скажи.

Маруся. Она тоже — не пролей капельку — не ошибется. Рассчитывала двести пятьдесят трудодней заработать, а тут на тебе, будь здоров! (*Уходит.*)

Агр. Мих. (*вслед*). Отстань, Маня! Варвара Петровна... сюда иди. (*Входят Варя, совсем еще на вид девочка, с косами на затылке, в легком платье и тапочках на босу ногу. Залыхались.*) На, читай. (*Передает ей бумажку.*)

Варя (*читает*). Батюшки родимые, что ж это такое? «К севу пшеница запрещена!»

Агр. Мих. Выроем ямку и будем в ней сидеть и плакать.

Варя. Как же это так, пыльную головню могли лабораторным путем обнаружить?

Агр. Мих. А что же они пишут?

Варя. В голове у них пыльная головня.

Агр. Мих. А зерно-то горит, Варвара Петровна?

Варя. Шупали. (*Убегает в амбар.*)

Входит дядя Сережа.

Агр. Мих. Дядя Сережа, здесь я. Ты не меня ищешь?

Дядя Сережа. Аграфена Михайловна, там цельный скандал вышел. Приехали военные за капустой. Отпускать или нет? Говорят, с вами согласовано, а я не даю, потому бумажки нет. Один шустрый такой, балагур.

Агр. Мих. Не выдавай, дядя Сережа. Уговор дороже денег, а они слова не держат. Зови его сюда.

Дядя Сережа. У меня не побалуешь! Крышу вам заканчиваем, нынче обмывать будем... Я так и скажу. (*Уходит.*)

Варя (*возвращается*). Ой, батюшки родимые, рожь теплая, а горох холодный! (*Жует зерно.*) Лопатить надо.

Агр. Мих. Как же нам с зерном быть?

Варя. Дайте подумаю, тетя Груша. (*Садится у стога, вынимает из кармана морковь и жует.*) Язык на илече... Километров двадцать сегодня отмахала. На дальнем поле была.

Агр. Мих. Сеют нынче?

Варя. У Лешки опять трактор остановился. То головки меняет, то подшипники перегорели. Работяги! *(Жует.)* Прихожу, сидят в холодке. Тары-бары на две пары. «Ребята, — говорю, — это что за работа?» — «Подшипники меняем, Варвара Петровна, нагоним».

Агр. Мих. Ты что, Варя, не обедала?

Варя. С утра дома не была. А тут еще этот чумазый механик. До слез доведет. Он мне слово, я ему двадцать: упрямый такой. Остались без горючего.

Агр. Мих. Обещали привезти нынче.

Варя. На посуле, как на стуле. Я Вадиму Николаевичу наряд отдала, что в городе получила. Все равно, говорит, машина идет, подбросим... И обманул. Ой, батюшки родимые, день ото дня не легче! А тут еще зуб ноет. Что с зерном делать? *(Качает головой.)* Придумала, тетя Груша! Давайте зерно для просушки в школу перевезем. Там печи есть, затопим... Решили?

Агр. Мих. Ладно.

Варя. И как же это можно такую подлость сделать! Нам без горючего — зарез.

Агр. Мих. А за капустой, небось, приехали...

Варя. Вы им, тетя Груша, такую капусту пропишите!

Аграфена Михайловна подсаживается.

Агр. Мих. Не задумывайся... А он тебя любит...

Варя. Я про это, тетя Груша, даже вовсе не думаю.

Агр. Мих. А Вадим Николаевич приятный такой, вежливый. Ко мне подлаживался: сосватайте мне, говорит, ее, Аграфена Михайловна. Девушка, говорит, меня вполне устраивает.

Варя. А меня даже вовсе не устраивает.

Агр. Мих. Сомневаешься?

Варя. Соляным раствором промывать будем.

Агр. Мих. Это кого же, Вадима Николаевича, что ли?

Варя. Пшеницу.

Агр. Мих. Жизнь надо строить, Варюша! Гляди, как наш колхоз-то налаживается. А война кончится, и что только будет!..

Варя. Никак звонок?

Маруся появляется с мешком.

Агр. Мих. Кончили, Маня?

Маруся. Шабаш! Шпарь «Яблочко» без остановок, а отдыхать надо. *(Уходит в амбар.)*

Агр. Мих. Я на ток пойду, Варвара Петровна. Сюда этот военный идет. Мы ему объясним. *(Уходит.)*

Варя. Будьте спокойны.

Из-за амбара выходит Надя, высокая девушка, с косами, закрученными на голове, одета по-городскому.

Надя. Ой, Варюша, какая история!..

Варя. Еще бы, милая, не история! Горючее-то не привезли.

Надя. Что я тебе скажу... *(По секрету.)* Письмо нынче пришло — открытка: лейтенанту Ермакову, до востребования. Попала к нам в сельсовет. Хочешь прочесть?

Варя. Я чужими письмами не интересуюсь.

Надя. А я прочла. Какая-то Оленька ему пишет. Долго его разыскивала. С детками в Москву приехала. Это что же такое, Варя?

Варя *(хмуро)*. Не знаю. А ну, покажи. *(Прочитала.)*

Надя. Может, ты ему передашь?

Варя. Пускай в сельсовете лежит. Не желаю.

Надя. Варя, а ведь он на тебе жениться собирался.

Варя. Ничего подобного.

Надя. Ой, врешь! И выходит так, как с моим Ванюшкой. Ты понимаешь, какая подлость: так хорошо дружили, а потом мне товарищ его написал, что он даже вовсе женатый. *(Варя расстроена.)* Не огорчайся, Варя, мы это дело проверим...

Варя. Разговаривать с ним не желаю!

Надя. Не горячись. Я после ужина всех ребят собираю. Поговорить надо. Этак мы знамя не получим. *(Входит Маруся.)* Сколько обмолотили нынче?

Маруся. Шестьдесят семь мешков. *(Надя записывает.)* Надя, что ж ты, милая, со мной делаешь? Мыслимо ли за косьбу пятьдесят восемь соток записывать?

Надя. У тебя в книжке и то двести трудодней.

Маруся. А я, Надежда Федоровна, двести пятьдесят намереваюсь заработать.

Надя. Ну и заработаешь. Горластая ты, Маруся! *(Кричит.)* Девочки, не расходитесь! *(Убегает.)*

Маруся *(хохочет)*. Счетовод — не пролей капельку. *(Глядя в поле.)* Ишь, какой идет!

Входит сержант Кузякин, круглолицый, веснушчатый, невысокий парень в пилотке. Разговаривает очень вежливо.

Кузякин *(беря под козырек)*. Разрешите обратиться?

Маруся *(указывая на Варю)*. До них обращайтесь.

Кузякин. Где у вас начальство?

Варя. Говорите мне.

Кузякин *(оглядывая ее, ухмыляется)*. Малая...

Варя. Мне, товарищ сержант, некогда. По какому делу?

Кузякин. Дело весьма хозяйственное. *(Кашлянув.)* Согласно договоренности с председателем колхоза, мы доставили вам лесоматериалы и горючее.

Варя. А где оно, горючее?

Кузякин. Извините, в каком смысле?

Варя. Горючего вы нам не доставили. У нас завтра молотилка и тракторы станут. *(Гараторя.)* А это прорыв в уборке урожая. И вы сами должны понимать, товарищ военный, что так деловые люди не поступают. Или вы думаете, что хитрее нас? Но мы тоже не маленькие. Вы нас подводите, а это совсем неприлично получается в таком важном деле, как уборка. Правильно я говорю?

Кузякин. Точно.

Варя. Как же вы имеете такую самонадеянность, чтобы приезжать за овощами? Мы от своего слова не отказываемся, а только у нас завтра молотилку кормить нечем. Вот и все.

Кузякин. Допустим. Но товарищ лейтенант при мне давал приказ, чтоб горючее по вашему наряду было доставлено.

Варя. Не знаем ничего. *(Переводя дух.)* А только вы нас поставили в такое положение, из которого нет выхода. Маня, я в сельсовет иду говорить с райзо.

Маруся. Ладно, Варвара Петровна.

Кузякин. Допустим, Варвара Петровна, такое недоумение имеется, но как же нам быть?

Варя. А вы сами разберитесь в этом вопросе. У меня уборка из-за вас срывается. Я на вас понадеялась. Мы люди ответственные и привыкли свое слово держать. Понятно? *(Поворачивается и быстро убегает.)*

Маруся смеется.

Кузякин. Точно: малая, а строчит, как депеша. *(Хочет идти за ней.)*

Маруся. Не ходите. Что сказала — отрезала.

Кузякин. Острая?

Маруся. Бритва.

Кузякин. Придется подождать.

Маруся. Авось, прояснится.

Кузякин. Большой у вас колхоз?

Маруся. Мы до войны во как жили, будь здоров! Ферма. Сто голов рогатого. Сорок свиноматок. Овцы. Козы. Чего душа хочет! Поедешь в город — в кино или в магазин зайдешь. Прилично.

Кузякин. Папаша с вами живет?

Маруся. Сторожем работает.

Кузякин. А муж на фронте?

Маруся. А я незамужняя. Не нашла подходящего.

Кузякин. А как вас зовут?

Маруся. Нас — Мария Голубкина. А вас?

Кузякин. Кузякин, Тиша. А сколько тебе лет?

Маруся. Лет мало, а живу порядочно. *(Смеется.)*
Что-то в глаз попало... Завалило нынче на току. Зерно сухое пошло. Еле отгребать поспеваешь.

Кузякин. Дай посмотрю!

Маруся. Необязательно. Лицо мне ваше знакомое.

Кузякин. Симпатичное?

Маруся. Я вообще конопатых не люблю, а вы вроде как ничего.

Кузякин. У меня характер очень нежный. Как увижу такую девушку хорошую, так и защемит!

Маруся. От природы чувствительные? Под начальством Ермакова служите?

Кузякин. Нашего лейтенанта знаете?

Маруся. Вадима Николаевича? Он к нам часто ездит.

Кузякин. Подарок уж не вам ли предназначается?

Маруся. Это какой же? Может, и нам.

Кузякин. Ехал я в город, а лейтенант мне приказал: купи, говорит, бусы самые красивые и передай по назначению в колхозе, где будешь капусту брать, и записочку дал. *(Ищет в карманах.)* Неужто я потерял? Ты, говорит, сразу ее узнаешь: блондинка, стройная и косы крендельком. А фамилию позабыл.

Маруся снимает косынку и показывает косы.

Маруся. Вроде как у меня?

Кузякин. Другой не встречал.

Маруся. И не найдешь. Разве Варвара Петровна только?

Кузякин. Это бритва, что ли? *(Смеется. Вынимает из кармана бусы, завернутые в бумагу.)* Вот они.

Маруся. Красота!..

Кузякин. Выходит, что вам. От кого, сказал, не говори, — сама догадается.

Маруся *(хитро улыбаясь)*. Еще бы не догадаться! *(Надевает бусы.)*

Кузякин. Опять не повезло Тише.

Маруся. Это почему же?

Кузякин. Станный вопрос! А что лейтенанту сказать?

Маруся. Передайте, что не ожидала. До свиданья.
Кузякин. Куда же ты, Маруся?

Маруся. Папаше на стол собирать. Приходите по-
позже, Тиша. Лешка-тракторист баян принесет. Спляшем —
оторвем. А вы танцевать умеете?

Кузякин. Точно.

Маруся. «С ветерком»?

Кузякин. Точно.

Маруся. Попробуем.

Слышна музыка.

Маруся (*поет*). Я Маруся звеньевая,
Мой девичий нрав такой:
На работе боевая
И в весельи — будь здоров.

Кузякин (*поет*). Мы ребята фронтовые,
Нам горячий пыл знаком.
Ваши глазки голубые,
Извините, «с ветерком».

Танцуют.

Маруся. Мы ребятам не уступим,
Даром, что не фрицев лупим.
С фронтовых пример берем,
Как работать «с ветерком».

Кузякин. Сохраняете при этом
Привлекательность лицом.
Если был бы я поэтом,
Описал бы... «с ветерком».

Танцуют.

Маруся. Небо звездами покрылось,
С неба звездочка скатилась.
Я как раз в саду была,
Что-то я задумала...

Кузякин. Думали в тиши полночной
Про любовь, конечно?

Маруся. Точно.

Кузякин. Засеку звезду мою
И про вас задумаю.

Маруся. Очень даже сердце бьется,
Если милый вдруг найдется.

Кузякин. Только долго его ждать,
Если звездочки считать.

Маруся. Мы с тобою, боевые,
Нынче встретились впервые.

Кузякин. А как будто век знаком.

Вместе.

Оба, значит, «с ветерком».

Танцуют.

Кузякин. Ловко! (*Спохватившись*.) А сколько сейчас времени?

Маруся. Осталась Манька без часов. Стоговала клевер и потеряла ободок с крышечкой. Буду ждать.

Входит Надя.

Надя. Маруся, на собрание приходи.

Маруся. Ладно, соберемся. (*Убегает*.)

Надя (*к Тише*). Агронома не видели?

Кузякин. Никак нет. (*В сторону*.) А кто из них агроном? Какая девушка стройная! И косы крендельком. (*К Наде*.) Разрешите обратиться? Младший сержант Кузякин.

Надя. Надя Суменкова.

Кузякин (*в сторону*). А глаза какие... «с ветерком». (*К Наде*.) Вы не можете мне объяснить: долго нам здесь дожидаться придется?

Надя. А чего вы ждете?

Кузякин. Овощной культуры. (*В сторону*.) Непременно она.

Надя. Не знаю, товарищ сержант. Обратитесь к агроному или к председателю колхоза. Что вы на меня так смотрите?

Кузякин. Не могу объяснить, товарищ Надя.

Надя. Чего не можете объяснить?

Кузякин. Самочувствия.

Надя. А я себя не плохо чувствую. Вы знаете, где сельсовет? Я как раз туда иду.

Кузякин. Спасибо. Извините, вы всегда так зачесываетесь?

Надя. Как придется.

Кузякин. Еще один вопрос. Вы весточки ни от кого не ожидаете?

Надя. Ожидаю.

Кузякин. От одного лейтенанта?

Надя. А вы его знаете?

Кузякин. Как же не знать — мой командир.

Надя. А когда вы его видели?.. Он все не пишет мне, я очень волнуюсь. Да говорите же!

Кузякин. Надя, тут произошло недоразумение, но я все исправлю.

Надя. Значит, он приехал?

Кузякин. С минуты на минуту ожидаю.

Надя. Отчего же вы мне раньше не сказали? Может

быть, он в правление зашел или на станции меня ищет...
Пойдемте в сельсовет.

Кузякин. Нет, я не пойду. Вы сами с ним поговорите. Вы мне скажете, где Маруся живет?

Надя. За буторком. Видите две березы? Там изба под новой крышей.

Кузякин. Спасибо.

Надя. Вам спасибо, Тиша. Какой вы славный!.. (Убеждает направо.)

Кузякин. Не стоит благодарности! Какая девушка хорошая... Тише, Тиша: опять тебе счастье улыбнулось. Обе симпатичные, стройные, и у обеих косы крендельком. Вот тут и разберись. Везет нашему лейтенанту! А почему мне не везет?

Входит Ермаков.

Ермаков. Потому что ты, Кузякин, ласы точишь, а делом не занимаешься.

Кузякин. Товарищ лейтенант, разрешите доложить? Капусту из колхоза не отпускают потому, что мы своего договора не выполнили. Машина с горючим не прибыла.

Ермаков. А где же Петюнин? Я же тебе приказал это дело обеспечить.

Кузякин. Точно. Наряд был мною Петюнину вручен, а машина должна была быть здесь, а ее нет. И опять же конфуз.

Ермаков. Немедленно разыскать Петюнина!

Кузякин. Есть разыскать!

Ермаков. В городе был?

Кузякин. Точно. Поручение ваше выполнено.

Ермаков. Сделал то, о чем я просил?

Кузякин. Точно, товарищ лейтенант, то есть не совсем точно, но будет в точности. Одна девушка говорит: совсем не ожидала, а другая вас встречать побежала. И тоже не ожидала.

Ермаков. Кому ты бусы передал?

Кузякин. По принадлежности, товарищ лейтенант. Как вы сказали: стройная, симпатичная и косы крендельком. Я ваш вкус знаю.

Ермаков. Разыскать Петюнина, овощи погрузить и марш в часть!

Кузякин. Есть, товарищ лейтенант! Не будем здесь задерживаться. В этом колхозе такие девушки, одна другой симпатичнее. При моей чувствительности конфуз получается.

Ермаков. Разбрасываешься, Тиша.

Кузякин. Точно.

Ермаков. Вот это и плохо. Выполняй приказ.

Входит Варя. Переделась: в жакете и в сапожках.

Кузякин (*вполголоса*). Эта малая, товарищ лейтенант, ну и бритва!

Ермаков. Отправляйся. (*Кузякин быстро уходит.*) Здравствуй. Варя! А я зашел к тебе на квартиру — замок висит, а ключа нет.

Варя. Ключ при мне. Здравствуйте, Вадим Николаевич!

Ермаков. Ты что не в духе?

Варя. Очень даже в духе.

Ермаков. Небольшая путаница с машинной получилась.

Варя. У вас всегда путаница получается.

Ермаков. Мы как будто четко работаем.

Варя. Очень даже четко. У нас из-за вашей четкости молотилка завтра станет и тракторы тоже. А тут еще пыльная головня. И зуб мудрости у меня прорезался. Вот тебе и четкость!

Ермаков. Много всего. А при чем тут я?

Варя. То есть как это при чем? При том.

Ермаков (*улыбаясь*). Бритва.

Варя. Очень может быть. Обзывайте, как вздумается. Я ему кричу по телефону: нельзя пыльную головню лабораторным путем обнаружить, а он мне кричит: вашу пшеницу сеять запрещено. Как будто я без него этого не знаю!

Ермаков. Что это ты со мной так неласково разговариваешь? Я, Варюша, хотел к тебе вчера заехать, но не мог. А ты все-таки угадала, а?

Варя. Что угадала?

Ермаков. Узнала по почерку.

Варя (*про письмо*). Узнала по почерку. Обнеси меня господь от такого «подарка».

Ермаков. Не понравился? А ты говорила, помнишь?

Варя (*возмущенно*). Да ты что, смеешься надо мной, что ли?

Ермаков. Что же ты обиделась?

Варя. Я не обиделась. (*Со слезами в голосе.*) Я только не знаю. Вадим Николаевич, зачем это вам понадобилось? Или вы думаете, что мы ничего в жизни не понимаем, что хорошо и что совестно? Мы все понимаем, Вадим Николаевич.

Ермаков. Да не называй ты меня Вадимом Николаевичем, а то я буду тебя Варварой Петровной величать.

Варя. Как хотите! (*Горячо.*) Полгода с тобой дружим.

И в кино ходили в городе, и в театр, и на выставку, и на танцы, и книги читали вместе. И какие книги хорошие!

Ермаков. И Толстого, и Стендаля, и Тургенева...

Варя. И Дюма-отца. Да разве там так любят? Там по-хорошему любят, по-настоящему, а не то, чтобы... Отойдите от меня, пожалуйста! Смотреть на вас не хочу!..

Ермаков (*недоумевая*). А чем же я к тебе плохо отношусь, Варюша? Варенька...

Варя. Не называй меня так. Я тебе всю жизнь свою рассказывала. И про маму, и про детство свое, и про наш колхоз, где я родилась, и про станцию Бобынино...

Ермаков. И про речку Березуйку...

Варя. И про бабушку Лукерью Петровну... Письма ее читала... И зачем, зачем все это я тебе говорила, если ты такой нечуткий и несовестливый человек!

Ермаков. Почему же я несовестливый?

Варя. Сам знаешь, Вадим. Ладно. Поговорили.

Ермаков. Нет, погоди, так нельзя, Варвара Петровна. Объясни мне: в чем дело?

Варя. В сельсовет зайди. Тогда тебе все ясно станет. А мне сейчас некогда дело на безделье менять.

Ермаков. Ах вот что! Тебе сейчас некогда?

Варя. Очень просто. У нас зерно горит. И план срывается. Мне сейчас нужно ребят организовывать. (*Кричит.*) Лешка, куда удираешь?

Голос Лешки. Сейчас, Варвара Петровна!

Варя. И Настю зови...

Ермаков (*вполголоса*). А я к тебе за ответом приехал, Варя. Ты мне сегодня ответ дать обещала.

Варя. Я тебя, Вадим, так любила, так любила... (*Вздыхает, потом кричит.*) Куда ты жеребца гонишь, тегя Анисья? Он опять в канаву завалится. Ох, и жеребец у нас шальной!

Ермаков. А теперь, значит, не любишь?

Варя. Не могу я такого любить... Где горячее?.. Понимаешь, что с нами делается?

Ермаков. Да не кричи ты, сделай милость.

Варя. Как это я могу не кричать? Глаза твои лукавые. Зачем ты мне прямо не сказал?

Ермаков. Я поручил Кузякину.

Варя. Разве такие вещи Кузякину поручают? Им надо зерно для просушки в школу перевезти, с дадьнего поля снопы на ток вывезти, понял?

Ермаков. Понял, да не все. Варя, я проститься приехал. Нас к фронту двигают.

Варя. И хорошо, что двигают. (*Вздыхнув.*) Когда? Ермаков. Завтра.

Варя. Завтра? А как же с капустой?

Ермаков. На своём огороде соберем и у вас получим.

Варя. А мы не дадим. Вы здесь не начальство. Можете у себя командовать.

Входит Аграфена Михайловна. Собираются ребята: Леша-тракторист в замасленном кожаном картузе, с баяном; Настя в комбинезоне и в косынке, из-под которой торчат косички; Маруся, пришедевшись, с бусами поверх платья; позднее Надя, Клава и дядя Сережа (подвыпивший). Совсем за вечерело. Светит молодая луна, и небо чистое, со звездами. В колхозных избах еще блестят робкие огоньки, а потом гаснут.

Агр. Мих. Больно ласково разговариваете — на току слышать. Здравствуйте, Вадим Николаевич!

Ермаков. Добрый вечер, Аграфена Михайловна!

Агр. Мих. Подвели вы нас.

Ермаков. Ничего, все наладим.

Леша. Вечер добрый, Варвара Петровна... Тетя Груша... И кто это собранию выдумал? У меня от этих собраниев только голова пухнет. (*Растягивает баян.*)

Варя. А что норму не высеваешь — голова не пухнет?

Леша. Случается, Варвара Петровна. Эх, мама, роди меня обратно!

Ермаков. Что это с Варей творится, Аграфена Михайловна?

Агр. Мих. Горячка по хозяйству большая.

Маруся. Вадиму Николаевичу наш привет!

Ермаков. Здравствуйте, Маруся! (*Видит на ней бусы, удивлен.*)

Клава. Смотрите, девочки, какие бусы у нее!

Настя. Кто это тебе подарил, Маня?

Маруся. Неизвестный мужчина. (*Поет.*)

Голова моя болит,

Люблю, что милый говорит.

Поговорочка его

Лежит у сердца моего.

Леша. Небось, сама купила?

Маруся. Буду я деньги тратить!

Варя. Куда же вы, Вадим Николаевич?

Ермаков. Насчет машины узнаю.

Варя (*вполголоса*). Очень деликатно с твоей стороны такие насмешки строить.

Ермаков. И с твоей тоже не очень вежливо.

Варя. Поговорили.

Ермаков. Порядок. (*Уходит.*)

Варя, расстроившись, стоит, прислонившись к стогу. Подходит Надя.

Варя. Ну и пускай. Обиделся. Я больше должна обижаться, Надя. Я ему еще цветы собирала. На полях в воронках от снарядов вода прозрачная, и по краям незабудки цветут.

Надя. Мне этот сержант сказал, будто Вася приехал. Я так обрадовалась, в сельсовет бегала, на станцию, и никого нет.

Варя. Пусть он от своей Оленьки письмецо почитает.

Агр. Мих. (*подходя*). Что с тобой, Варвара Петровна?

Варя. У меня зуб мудрости прорезался.

Среди молодежи шумно. Леша играет на баяне. Маруся подтанцовывает.

Маруся (*поет*). Ой, глазки мои,
Серые прищурки!
Один Ваське моргает,
Другой Шурке.

Дядя Сережа. Мань, а Мань!..

Маруся. Что вам, папаша?

Дядя Сережа. К нам военный заходил, тебя спрашивал.

Маруся. Конопатый?

Дядя Сережа. Тот, что за капустой приехал.

Маруся. Интересовался?

Дядя Сережа. Шибко. Я, говорит, ей настроению хочу испортить при личном свидании.

Маруся. Интригует.

Клава. Пойдем нынче на станцию, девочки! Там патефон будет.

Маруся. А он пищит, как комар, твой патефон. Нам громкую музыку давай.

К молодежи подходит Аграфена Михайловна. Все рассаживаются. Баян смолкает.

Агр. Мих. Славно поете, девочки, а работаете похуже. Нам постараться нужно. Рожь обмолотили, а пшеницы еще и половины не свезли. А засеваем как плохо! Это что ж получается — хомут?

Леша. Мы, тетя Груша, не виноватые. МТС подвела с ремонтом.

Настя. Молчи уж! На трех свечах ездись.

Леша. А чего молчать?

Маруся. А ты своей правоты добейся, тогда и разговаривай.

Дядя Сережа. Мужичков-то нет, Аграфена Михайловна... Одни бабоньки тянутся.

Леша. А мы не мужчины?

Настя. Мужчина, молчи!

Маруся (*горько*). А чего нас мужчинами попрекаты! Мы и пахоту на себе вытащили, будь здоров. И засеяли тоже. И соберем. Верно я говорю, девочки? С февраля Маруся что делала: бабочек, что ли, ловила? С плугами работали. Мы еще мужчинам нос утрем. Наша сила комсомольская — ого-го! (*Спадет с голоса.*) Голоса лишилась Маруся, холодненькой воды выпила, а то бы я сказала.

Все смеются.

Агр. Мих. Пускай агрономша скажет: выполняем план или нет?

Дядя Сережа. Не нассеешь, не напашешь, потом кнутом не намашешь.

Агр. Мих. дядя Сережа, к порядку. Выпил, что ли?

Маруся. На постройке дернул, папаша?

Дядя Сережа. Молчи, Манька!

Варя (*выходит на середину*). Скучно мы живем, ребята, ой, скучно! Повеселиться надо.

Леша (*зевая*). Правильно, Варвара Петровна!

Варя. Мы, комсомольцы, должны работать припеваючи. Это все на нас лежит. Мы за это ответственные. Люди жизнью на фронте жертвуют, молодые героями становятся. А почему? Потому, что у них сердце заговорило. А у вас разве всегда сердце говорит, когда работаете? Я, конечно, агроном молодой, разве мне с вами управиться?.. Обнеси меня, господь, от такой оравы...

Маруся. Да что ты, Варвара Петровна!

Агр. Мих. Наверное, обижаете агронома, девочки? Из амбара опрометью выбегает Лушка и, споткнувшись, падает. Все хохочут.

Агр. Мих. Лушка, где это ты по ночам шатаешься?

Лушка. Ой, мама, дай передохнуть! Девочки, я на станции была. Вспотела бежамши. Там радио из Москвы передают. Красная Армия большую победу одержала, сейчас салют по всей Москве делать будут.

Небольшое молчание. Потом Леша кричит: «Ура!»

Клава. Айда на станцию, девочки!

Маруся. Нешто услышим?

Варя. Стой, ребята! (*Взволнованно.*) Салют... И мы, ребята, салютовать будем. Разве у нас сердце не бьется? Постараемся. Станем на фронтovou вахту.

Леша. Отчего не стать? Вроде как мой папаша.

Маруся. Маруся покажет, будь здоров.

Клава. А я что же, за мое поживаешь?

Надя. Все станем на вахту... Завтрашний день раненько, как светать начнет, — все на работу.

Агр. Мих. Давай наряды назначать.

Собираются у амбара. Маруся подходит к Варе и снимает с себя бусы.

Маруся. Варвара Петровна, до чего ты мне сердце тронула! Бери бусы, милая, хочу тебе приятность сделать.

Варя. Что ты, Маруся! Эти бусы тебе подарили.

Маруся. Тебе, милая. Конопатый напутал. Бери.

Входит Кузякин запыхавшись.

Кузякин. Где начальство? Горючее доставлено. Куда разгружать?

Агр. Мих. К молотильному току подвезите.

Кузякин. Есть к молотильному! Приказано зерно погрузить на машину и отвезти в школу.

Агр. Мих. Спасибо!

Кузякин. Точно. И снопы с дальнего поля перебросить на ток.

Агр. Мих. Леша, Настя, тракторы заправить надо.

Леша. Что ж, пойдем. Дядя Сережа, возьми мой баян на хранение.

Дядя Сережа (*надевая ремни*). Эх, старину вспомню! Когда-то ямщиком ездил, играл здорово.

Варя. Девочки, берите мешки, лопаты. Открывай амбар, дядя Сережа. Где фонарь?

Кузякин. Капусту отпустите, товарищ председатель.

Агр. Мих. Без капусты не уедете. И огурчиков дадим и моркови.

Кузякин. Давайте подсоблю мешки таскать.

Надя. Что ж это вы меня обманули, товарищ сержант?

Кузякин. В каком смысле?

Надя. Где ж этот лейтенант?

Кузякин. В сельсовете находился.

Надя. Да ведь это не тот.

Кузякин. Как же не тот? Он самый.

Надя. Я-то лучше знаю.

Кузякин. Надя, вы на меня не сердитесь, а только я в полной уверенности... при вашей наружности...

Надя. Нехорошо так поступать, если девушка переживает. (*Уходит.*)

Из амбара выходит Маруся с мешком и наблюдает эту сцену.

Кузякин. Маруся!

Маруся. Пусти, некогда.

Кузякин. А я к тебе заходил.

Маруся. Вы, Тиша, к девушкам больно присматриваетесь. Я таких ребят не уважаю, вспылчивых.

Кузякин. А я не такой, Маруся.

Маруся. Ну да, не такой! *(Дает ему мешок.)* Бери, а то уронишь.

Кузякин. Маруся, тут неувязка вышла. Где бусы, что я тебе передал?

Маруся. Я эти бусы по принадлежности вручила.

Кузякин. Кому?

Маруся. Варваре Петровне.

Кузякин. Ой, Маруся, подвела!

Маруся. Не волнуйтесь, Тиша, возьмите себя в руки.

Кузякин. Как же ты не понимаешь? Лейтенант с меня спросит.

Маруся. За спрос денег не берут. А только с девушками, Тиша, надо поаккуратнее.

Кузякин. Я к тебе с такой симпатией отношусь, Маруся. И если в полном сочувствии, как вернусь с фронта...

Маруся. Мне, милый, по сердцу парень обстоятельный и желательный с орденом. Потому у нас с папашей усадьба богатая будет, и я кур завожу и корову покупаю.

Кузякин. У меня, Маруся, тоже домишко имеется. Заживем, а? «С ветерком»!

Маруся. Там видно будет. В общем пишите.

Входит дядя Сережа.

Дядя Сережа. Маня, агроном кличет. *(Маруся уходит в амбар.)* Ступай капусту получать, сержант. Ты Маньку остерегайся, она у меня с норовом.

Кузякин. Сговоримся, папаша. Я тоже «с ветерком». *(Уходит.)*

Дядя Сережа. Все наизворот пошло. Девушки, как мужики, работают. А бывало в старину нарядаются и семечки лузгают. И мы тоже не такие были. Эх, и ездили по этому большаку! *(Играет на баяне.)*

Лушка. А шоссе не было, дядя Сережа?

Дядя Сережа. Какая шоссе! Трахты были, кабаки..

Лушка. Жили богато?

Дядя Сережа. Богато! Было у нас скота рогатого много: десять кошек дойных, два кота езжалых, один кот-виноход... *(Постепенно засыпает.)*

Из амбара выносят мешки. Потом закрывают двери. Выходят Н а д я и В а р я. Вдалеке поют.

Лушка. Кантемировские пошли на станцию. *(Убегает.)*

Варя (*грустно*). Надя, а ведь он, наверно, уехал. (*Однимает ее.*) И проститься не захотел.

Надя. А я сейчас узнаю.

Варя. Не ходи. Надо гордость иметь. А еще ответа спрашивал!

Надя. Все они такие.

Варя. Нет, не все. Любовь настоящая есть.

Надя. Где же она, Варя?

Варя. Здесь, Надюша, в сердце моем. (*Прижимается к ней.*) Вороти его, милая, разыщи... Не могу я так с ним поступить!

Надя. А с Олечкой как?

Варя. А может быть, он ее разлюбил. Бывает же.

Надя. Нет, Варя, надо гордость иметь.

Варя. И то правда. (*...Олечки.*) До чего он в мою душу забрался, Надя! А ночь-то какая!.. А я-то в счастье верила...

Надя. Это он приказал зерно перевезти?

Варя. Конечно, он. Он, Надя, человек хороший.

Надя. И красивый.

Варя. И неглупый. Уехал, не простившись. Вороти его.

Надя. Идет. Слышишь голоса? Честное слово, идет! Спрячься, а я с ним поговорю. Все выпытаю.

Варя прячется за стог.

Варя. Только поделикатнее.

Надя. Знаю. Идет.

Входят Ермаков и Кузякин.

Ермаков. Кому ж ты их передал, Тиша?

Кузякин. По принадлежности, товарищ лейтенант.

Ермаков. Отчего же они у Маруси очутились?

Кузякин. Это вам показалось.

Ермаков. То есть как это показалось? Она ими хвасталась.

Ермаков (*указывая на Надю*). Этой девушке хотел вручить? Сознаться, Тихон.

Кузякин (*улыбаясь*). Точно. Вкус ваш знаю.

Ермаков. Ничего, брат, не понял. Проследи за тем, чтоб все было быстро сделано, как я приказал. (*Смотрит на часы.*) Через полчаса едем.

Кузякин. Есть проследить! (*В сторону.*) Неужели малая? Ой, какие вкусы бывают разные... (*Уходит.*)

Надя. Кого это вы ищете, Вадим Николаевич?

Ермаков. Счастья ищу, Надя. А оно, как луна за тучками, прячется.

Надя. Письмо получили?

Ермаков. Получил. И какое радостное! Год не имел

от нее вестей. Они от немцев бежали. Сколько пережили, бедные!

Надя. Близкий вам человек пишет?

Ермаков. Любимый. Уж такой близкий...

Надя. Холстой или замужем?

Ермаков. Она-то? С ребяташками. Оленька моя милая...

Варя (*за скирдой*). Ну и пускай милая.

Ермаков. Кто-то здесь разговаривает.

Надя. Дядя Сережа спросонья, должно быть.

Ермаков. Отца я потерял, мать тоже, она одна у меня и осталась.

Надя. А вы ее любите?

Ермаков. Да как же сестру не любить?

Варя (*ридоотно*). Сестра... Какая я дурочка!

Ермаков. Что-то дядя Сережа женским голосом заговаривается!

Надя. Показалось.

Ермаков. Сегодня мне все кажется: и Кузякин меня уверял, что показалось, и вы... Отчего вы смеетесь?

Надя. А я за нее радуюсь.

Ермаков. За Оленьку?

Надя (*лукаво*). Конечно. Такого брата приятно иметь.

Ермаков. А вы думаете, что хитрее меня?

Надя. А при чем тут хитрость?

Ермаков. Отчего вы нашему брату так не верите?

Надя. В том-то и дело, что верим, Вадим Николаевич, а вы иногда нас обманываете, и очень тогда нам, девушкам, обидно.

Ермаков. Если любишь по-настоящему, никогда девушку не обманешь. Я вот знаю, что Варя меня любит... Не возражайте... Знаю. И как бы она со мной ни разговаривала — а у нее характер горячий, — все равно любит. Верно?

Надя. Это вы дядю Сережу спрашиваете?

Ермаков. Допустим. Может быть, я Варю до отъезда не увижу. Передайте ей, пожалуйста, что бусы эти от меня ей в подарок куплены. А Кузякин напутал. Завтра мы на фронт отправляемся, а писать я ей все равно буду. Я вам оставляю адрес сестры, пусть она ее навестит.

Надя. Может быть, вы это ей сами скажете?

Ермаков. Где ж ее искать? Передайте, Надя, и скажите ей, что хоть у нее зуб мудрости прорезался, но что-то особой мудрости в ее поступках я не вижу... Другая девушка за скирдой бы не пряталась, а вышла бы и ска-

зала: так, мол, и так, давай простимся по-хорошему. (*Варя медленно выходит из-за стога, смущена и глядит исподлобья, улыбаясь.*) Боже мой, кого я вижу! (*Надя убегает.*) Где же это вы были, Варвара Петровна?

Варя (*тихо*). Не называй меня так.

Ермаков. А как же тебя называть? Бритвой, что ли?

Варя. Варей.

Ермаков. Скажите, пожалуйста! Может быть, Варюшей или Варенькой?

Варя (*тихо*). Варенькой.

Ермаков. Что за диковина? Бусы на тебе. Понравились?

Варя. Понравились. Очень красивые.

Ермаков. И как же это ты могла подумать, Варенька? Я ведь тебе про Олю рассказывал.

Варя. Из головы вон. Горячка такая.

Ермаков. Зерно на просушку вам свезли, пшеницу с дальнего поля на ток перебрасываем, горючее доставлено. Больше претензий к нам не имеете?

Варя. Не имеем. Спасибо!

Ермаков. Ну, уж если вы знамя не получите, на себя пеняйте.

Варя. Постараемся. (*Тихо.*) Вадим, а ты меня по-настоящему любишь?

Ермаков. Как тебе сказать...

Варя. Скажи, что любишь.

Ермаков. Люблю, Варенька! (*Обнимает ее.*)

Варя. И писать мне будешь?

Ермаков. Обязательно. А когда с фронта вернусь...

Варя. Хорошо. Эх, и хорошо будет! А помнишь, Вадим, тот вальс, что мы танцевали в городе?

Слышна музыка, играющая вальс.

Варя (*поет*).

Хорошо мне, любимый, с тобою,
Когда сердце так бьется в груди,
Помечтать в тишине под луною
Обо всем, что нас ждет впереди.

Ермаков (*поет*). Наша молодость счастья добьется,
Мы его завоюем в бою.

Тот, кого ожидаешь, вернется
И обнимет подружку свою.

Вместе. Мы не станем грустить о разлуке —

Будут счастья желанные дни.
Ты крепче сожми мои руки
И в глаза на прощанье взгляни.

Танцуют.

Варя. Не сердись, что я часто бранила,
У меня уж характер такой.
Ведь тебя я всерьез полюбила
И такую любовью большой.

Ермаков. Буду помнить я все наши встречи
И в походе ночью порой
Вспоминать твои милые речи
И глаза, как цветок полевой.

Вместе. Мы не станем грустить при разлуке —
Будут счастья желанные дни.
Ты покрепче сожми мои руки
И в глаза на прощанье взгляни.

Ермаков. Поговорили.

Варя. Порядок. (*Целует его.*)

Входит Аграфена Михайловна. Варя уходит за стог.

Ермаков. Мы с агрономом обсуждали, как пыльную
головню вывести.

Агр. Мих. Вот это ладно. Звонили из райзо Варваре
Петровне. Анализ проверили, к севу пшеницу разрешили.

Варя. Вот здорово! (*Берет у спящего дяди Сережи
баян и выходит из-за стога.*)

Появляются девушки, Леша и Кузякин.

Кузякин. Разрешите доложить, товарищ лейтенант:
все сделано, как приказали.

Ермаков. Можно отправляться. А ты, Тиша, молод-
цом себя показал. Догадался.

Кузякин. Точно. Я ваш вкус знаю.

Смеются.

Варя. До чего сегодня у меня настроение хорошее!
Девочки, давайте повеселимся немного.

Агр. Мих. Зуб-то больше не ноет, Варвара Петровна?

Варя. Вроде как перестал... Леша, «Цыганочку»!

Дядя Сережа просыпается, шарит вокруг себя и выскакивает
из-за стога.

Дядя Сережа. Ой, батюшки, баян у меня сперли!

Леша. В надежных руках. (*Играет.*)

Варя танцует, затем подходит к Аграфене Михайловне, а танцы
продолжаются.

Агр. Мих. Только уж ты ее не забывай, Вадим Ни-
колаевич. Я у вас на свадьбе посаженной матерью буду.
Давай, девочки, поголосистее.

Баян меняет мелодию. Девушки поют частушки.

Маруся. Ой, куды я забрела,
Куды залетучила?
Посмотрю туда-сюда —
Нет мово вертучего.

Кузякин. А я здесь, у скирды,
Я не делся никуды —
Захотелось мне
Прогуляться при луне.

Танцуют.

Маруся. Мне не надо никого,
Самого богатого.
Полюбила одного —
Тишу конопатого.

Кузякин. Как закончится война,
Будет ждать меня она.
С фронта с орденом вернусь —
Обязательно женюсь.

Дядя Сережа. Ой, чук-чук-чук,
Наловил дед щук!
Бабка рыбку печет,
Сковородка течет. (*Подтанцовывает.*)

Уже высоко поднялась луна. Военные прощаются. Молодежь окружает их гурьбой. Леша перебирает клавиши баяна, и возникает новая мелодия.

Варя (*обращаясь к зрителю*).
Мне теперь сказать охота,
Пока занавес раскрыт,
Да, признаться, трудно что-то,
Очень сердце говорит.
Велика у нас забота,
Да ничто нас не страшит.
Закипит всегда работа,
Если сердце говорит.
К счастью светлому ворота
Распахнулись. Путь открыт.
Победим своей работой,
Когда сердце говорит.
Вот и все. Нескладно что-то...
Что же публика молчит?

Все (*к публике*).
Ждем теперь от вас чего-то,
Если сердце говорит.

К о н е ц

СЕРДЦЕ ДРУГА

Водевиль в одном действии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Дима Рощин — штурман, 25 лет.

Леля — его жена, 19 лет.

Елена Сергеевна — мать Лели, врач, 38 лет, на вид гораздо моложе.

Вано Чаурели — летчик, 32 лет.

ПЕРЕД ЗАНАВЕСОМ

Вано (*входит. К публике*). Товарищ! Скажи, будь любезен, не здесь ли дачный поселок энской авиабригады? Да?.. А где дом Дмитрия Рощина? Как, не знаешь? Почему не знаешь? Диму Рощина все знают. Это был такой штурман! Такой штурман!.. Одним словом — мой друг. Вы тоже не знали Диму? Ай, ай, ай! Послушайте, а это не его жена? Вон та блондинка? Нет?.. Его жена ничего не знает... Я сегодня сам ей обо всем расскажу. Ай, ай, ай, не легкая задача, но что будешь делать?

(Поет.)

Есть у нас в горах обычай такой:
Если друг аул покинул родной,
О жене его заботься, кунак,
И детей его качай вот так:
Тш!.. Тш!..

(Укачивает.)

Есть у нас такой обычай в горах:
Если друг пропал без вести в боях,
Ты врагу то не забудь, не прости
И за друга пойдя отомсти.

Если друг твой свою песнь не допел,
Если сделать не успел, что хотел,

За него ты заверши и допой, —
Это дружбы закон такой.

Что же я здесь распелся — старый ишак. Мне же надо найти жену Димы. И как я объясню ей, что все телеграммы посылал не он, а я? Слабая женщина, что будешь делать? *(За кулисы.)* Товарищ, скажи, будь любезен, где здесь дом Дмитрия Рощина? *(Уходит.)*

Открывается занавес.

Комната на подмосковной даче. Окна, столик. На стенах ящики с бабочками и жуками.

Леля *(поет, укачивая ребенка).*

Месяц к нам забрел на дачу
Сон твой охранять.
Ты не плачь, ведь я не плачу,
Будем папу ждать.
Спи, мой милый, спи, мой мальчик!
Надо спать.

(Кладет ребенка в коляску, укачивает.)

Тш... тш... тш...

Елена Сергеевна *(входит в изящном светлом костюме)*. Фу! Устала! Легче каждый день взбираться на Эльбрус, чем ездить в этих дачных поездах. Что ты так смотришь?

Леля. Ты в этом костюме такая... такая молодая.

Елена Сергеевна. В костюме последний день. Только что получила обмундирование.

Леля. Да? Значит, правда, едешь?

Елена Сергеевна. Слушай, Леля, ты уже большая, нельзя же так раскисать.

Леля. Я не раскисаю. *(Закуривает.)*

Елена Сергеевна. Когда ты куришь, значит волнуешься. А ты дала Диме слово бросить курить.

Леля. Ах, господи, да ты мне мать или нет? На фронт едешь или нет? Могу я закурить одну папиросу или нет?

Елена Сергеевна. Не кричи, пожалуйста. Ужасный характер.

Леля *(бросается к ней на шею)*. Мамочка, дорогая моя, красавица! Скажи, что мне сделать для тебя такое... приятное?

Елена Сергеевна. Ты уже сделала... меня бабушкой. Ну, помогай укладывать вещи.

Укладывают чемодан.

Елена Сергеевна. Может быть, я уеду, а Дима придет.

Леля. Дима... Интересно, какой он сейчас? Был обыкновенный студент-энтомолог: жучки, бабочки. Помнишь, как меня всегда огорчало, что он такой забывчивый, невнимательный. Рассеянный профессор! А теперь... *(Позвенела погремушкой.)* Вот ты доктор, ты не наблюдала в медицине перемену характера у отца при появлении первого сына?

Елена Сергеевна. В медицине нет, а в жизни бывает.

Леля. Я чувствую, что теперь он меня гораздо больше любит. Раньше за целый год я не видела от него столько внимания, как за последний месяц. *(Поет.)*

Ах, милого вниманье
Я предпочту всему.
Но моего признанья
Не выдайте ему.

Пусть простенький цветочек
Прислал мне милый мой,
Пусть только пара строчек
По почте полевой...

Мне слов не надо пылких,
Не надо клясться вновь...
И в маленькой посылке
Увижу я любовь.

Ах, милого вниманье
Я предпочту всему.
Но моего признанья
Не выдайте ему.

Звонок. Леля идет открывать. Возвращается с телеграммой.

Леля. От Димы! *(Читает, вскрикивает.)*

Елена Сергеевна. Что еще?

Леля. Мама!

Елена Сергеевна. Да что случилось? *(Берет телеграмму, читает.)* «Вылетаю. Точка. Временно прекратим переписку. Точка».

Леля. Я не понимаю... Почему «прекратим переписку»?

Елена Сергеевна. Вероятно, вылетает в партизанский край. Вот и телеграфирует, чтобы ты не волновалась.

Леля. А если... если он ранен и не может писать?

Елена Сергеевна. Леля! Как тебе не стыдно! Сразу впадаешь в панику.

Леля. Ну и пусть!.. Потому что я его люблю... А ты спокойна, потому что *(ложится на диван вниз лицом)*... потому что... я мучаюсь, а тебе это все равно.

Елена Сергеевна. Леля, девочка моя, ну перестань. Бедняжка моя!

Леля *(гро ко плача)*. Не жалея меня. Когда меня жалеют, мне еще хуже.

Елена Сергеевна. Эх ты, плакса... глупая паникерша... На вот, читай! *(Протягивает телеграмму.)* Получена сегодня на городской квартире. Хотела я, чтоб у тебя был сюрприз... Но из-за твоей паники...

Леля. От Димы! *(Читает.)* Мама! Он сегодня приезжает! Ты понимаешь? Сегодня! *(Смотрит на часы.)* Сейчас! *(Одевается.)* Mamочка, я на вокзал... Mamочка, о папиросах Диме ни слова. *(Прячет коробку в ящик столика.)* Я бросила курить. Ну до свиданья! Если Горинька проснется, покачай. *(Убегает.)*

Елена Сергеевна. Начинается моя новая карьера — бабушки. *(Садится к коляске, напевает.)*

За окном на крыльях ночи
Дремлет белый май.
Почему ты спать не хочешь?
Поздно... Засыпай.
Спи, наш маленький сыночек,
Баю-бай!

Входит Ваню.

Елена Сергеевна. Вы ко мне?

Ваню. Да.

Елена Сергеевна. Я уже не принимаю. Но раз пришли, садитесь.

Ваню *(волнуясь)*. Видите ли, я давно хотел... но не решался. С таким делом приходиться к женщине... ай-ай, как не легко. Но что будешь делать? Молчать? Еще хуже.

Елена Сергеевна. Ничего. Вы забудьте о том, что я женщина.

Ваню. Как можно забыть? Зачем забыть?

Елена Сергеевна. Так вам будет лучше. На что жалуетесь?

Ваню. Я мог бы жаловаться, но не жалуюсь. Я буду мстить, клянусь здесь, в этом доме!

Елена Сергеевна. Вы с фронта?

Вано. Только сегодня прилетел.

Елена Сергеевна. Были контузии в голову?

Вано. В сорок первом году.

Елена Сергеевна. Понятно. Ну рассказывайте.

Вано. Простите, я так волнуюсь... Не знаю, с чего начать...

Елена Сергеевна. Успокойтесь. Вот... *(капает из пьюзырька)* выпейте валерианки. Вот так. Теперь дайте руку.

Вано *(протягивает руку)*. Друзья моего друга — мои друзья.

Елена Сергеевна *(считает пульс)*. Спокойно, не волнуйтесь. Так. Покажите язык.

Вано. Что?

Елена Сергеевна. Язык покажите.

Вано. Кому?

Елена Сергеевна. Мне.

Вано. Извините... Не могу.

Елена Сергеевна. Вздор какой! Сейчас же покажите. Ведь это необходимо.

Вано. Если вам необходимо, то извините. *(Показывает язык.)*

Елена Сергеевна. Так. Ну что ж... надо вас выслушать.

Вано. Да, да. Выслушайте, пожалуйста.

Елена Сергеевна. Раздевайтесь.

Вано *(испуганно)*. Как?.. *(Пятится к двери.)* Почему раздеваться? Зачем раздеваться?

Елена Сергеевна *(рассердилась)*. Послушайте! Вы больной или нет?

Вано. Нет.

Елена Сергеевна. Что?

Вано. Почему больной? Я не больной.

Елена Сергеевна. Так зачем же вы пришли?

Вано. Я пришел в дом моего друга Дмитрия Рощина.

Елена Сергеевна. Ах, вот как!

Вано. Я Вано Чаурели.

Елена Сергеевна. Вано? Ванечка? Простите, что я так запросто. Но Дима столько писал о вас, что мне кажется, будто мы сто лет знакомы. Ну, здравствуйте, здравствуйте! А я вас за пациента приняла.

Вано. Не знал, что вы доктор.

Елена Сергеевна. Садитесь. Ну, как Дима? Как его здоровье?

Вано *(мнется)*. Здоровье... Вообще ничего.

Елена Сергеевна. Ах, он такой слабый. Постоянные мигрени.

Вано. Кто слабый? Дмитрий слабый? У нас он был орел!

Елена Сергеевна. Что вы? Дома он всегда сидел с компрессами.

Вано. Не может быть!

Елена Сергеевна. Серьезно.

Вано. Не верю.

Елена Сергеевна. Ну, мне ли не знать Диму!

Вано. Мне ли не знать моего друга!

Елена Сергеевна (*поет*).

Ах, Дима бесконечно
Избалован женой.
Он неженка, конечно,
Он слабый и больной.

Вано (*поет*). Его вы знали худо.
Здоров он был, как мул.
Смеялся над простудой,
Ни разу не чихнул.

Елена Сергеевна.
Зимой он с хрипом, гриппом
И с насморком весной...

Вано. Да бросьте, это — «липа»!
Он вовсе не больной.

Елена Сергеевна.
Он был — живые мощи.
Ни шагу без врача.

Вано. Кто мощи? Дима Рошин?
Он первый весельчак!

Елена Сергеевна.
Он был рассеян очень,
Он мямля, он тюфяк!

Вано. Всегда отменно точен
И в жизни и в боях!

Елена Сергеевна. Не может быть!..

Вано. Клянусь вам!

Рассматривают друг друга.

Вано. А я тоже вас знаю. Дмитрий говорил. Каждый день говорил. Но разве может видеть слепой? И я думал,

нельзя верить тому, кто ослеплен любовью. А вот сейчас понял: мало говорил он о вас, совсем мало. *(В сторону.)* Что я говорю? Ваню! Брось глупости. Это жена твоего друга. Ты должен верить, что он вернется. *(Подходит к коляске.)* Их дитя...

Елена Сергеевна. Любуетесь нашим Гориком?

Ваню. Горик... Георгий... Хорошо! Он похож на вас.

Елена Сергеевна. На меня? Хотя иногда так бывает.

Ваню *(ребенку)*. Ты вырастешь сильным и храбрым, как твой отец. Да? Ты тоже ничего не будешь бояться. «Лучше гибель, но со славой, чем бесславных дней позор».

Елена Сергеевна. Ему пора спать. *(Хочет отвезти коляску.)*

Ваню. Я помогу. Вам вредно.

Елена Сергеевна *(смеется)*. Мне?

Вдвоем катят коляску в другую комнату. Возвращаются.

Ваню. Я прошу вас выслушать меня. Нет, нет, не как доктор.

Елена Сергеевна. Пожалуйста. *(Пауза.)* Ну?

Ваню. Слабая женщина. Как скажешь? К тому же первый ребенок... Волновались, да?

Елена Сергеевна. Откровенно говоря, некогда было. Я целый день в трамвае ездила.

Ваню. В трамвае?

Елена Сергеевна. Вы удивляетесь? Здесь на даче нет трамваев, конечно. В городе. Обслуживала больных на дому. А к вечеру акушерка насилу меня разыскала, говорит — мальчик; три с половиной кило.

Ваню. Вот это да!

Елена Сергеевна. Но вы хотели что-то сказать, Ванечка.

Ваню. Да, да... Вы только не волнуйтесь... Дмитрий не вернулся в свою часть.

Елена Сергеевна. Что? Когда?

Ваню. Вот уже месяц... Но вы должны гордиться. Жена Дмитрия — жена героя. Сын Дмитрия — сын героя. Мать Дмитрия — мать героя. Мы были на Западном фронте. Я и Дмитрий. Он получил боевое задание... Всегда летали вместе, а тут вдруг без меня... Они уже возвращались из боя. Летчик тяжело ранен был, без сознания. Дмитрий машину вел. Вдруг самолет командира эскадрильи — сначала в штопор, а потом камнем вниз на землю. Дмитрий снизился, видит — горит машина. Приземлился, командира эскадрильи нашел. Тот

из кабины вылез, а итти не может: нога сломана. Его Дмитрий на руках принес, за штурвал к себе посадил, летите, говорит, вдвоем, я здоровый, я пешком через фронт пройду. Но не пришел. Кто-то его у партизан видел. Я его не видел больше.

Елена Сергеевна. Но почему же не полетели все трое?

Вано. Третьего машина не берет. Дмитрий командира спасал. Я ждал друга неделю. Ждал две. Я ждал его три недели. Меня перевели в другую часть. Пропал Дима.

Елена Сергеевна (*улыбаясь*). Нет, Ванечка. Я и моя дочь, мы обе уверены...

Вано (*перебивает*). Почему дочь?

Елена Сергеевна. Потому что у меня дочь.

Вано (*хлопает себя по лбу*). А я даже не догадался! Значит, их двое! Замечательно! Счастливец Дмитрий! Он должен был сказать вам большое, большое спасибо...

Елена Сергеевна. Я тоже так думаю. Так вот — и я и моя дочь — мы обе уверены, что Дима жив и здоров.

Вано. Какой может быть разговор с дочерью, что она понимает?

Елена Сергеевна. Я прошу вас не отзываться о ней неуважительно, вы ее не знаете. Правда, она молода, но у нее несомненные способности к философии и иностранным языкам. Кроме того, если бы вы слышали, как она поет!

Вано (*рассеянно*). Как же, я знаю: уа-уа!

Елена Сергеевна (*возмущенно*). Неправда! Извините, я волнуюсь.

Вано. Я вижу, вы не верите. Я сам рад бы не верить. Но...

Елена Сергеевна. Разумеется, не верю, потому что весь последний месяц мы чуть не ежедневно получаем от Димы вести. Недавно пришла телеграмма.

Вано. «Случае рождения мальчика прошу назвать... честь Саакадзе Георгием». Да?

Елена Сергеевна. Совершенно верно. А на-днях принесли посылку и в ней — чудесные трубочки...

Вано. С лимонным порошком?

Елена Сергеевна (*удивленно*). Да. И шоколад.

Вано. За шоколад извините. Искал с орехами, но не нашел. Пришлось взять шоколад отдельно, орехи отдельно. Что будешь делать? Так и послал.

Елена Сергеевна. Позвольте... Почему вы?..

Вано (*вздыхнул*). Я...

Елена Сергеевна. А детскую присыпку?

Вано. Тоже я. Любам голову — где достать? Пошел в санчасть — дали порошок. Подходит?

Елена Сергеевна. И розовую погремушку?

Вано. С ней целая история была. Увидел у нашего полковника в чемодане. Говорю: «Зачем тебе такая вещь?» — «Это, — говорит, — память о доме». Память я, конечно, уважаю, но у меня, говорю, живой, только что родившийся мальчишка без всякого вооружения. Три дня уговаривал — подарил.

Елена Сергеевна. Значит, все, все вы? Но почему? Почему вы это делали?

Вано. У нас на Кавказе такой обычай. Если твой друг далеко уехал, все его обязанности переходят к тебе. Если он не отомстил врагу, я отомщу врагу. Если у него жена, мой священный долг о ней заботиться. Я знал, ей нельзя волноваться. Я думал: пусть родится дитя, пройдет время, и тогда она все узнает.

Елена Сергеевна. Дима пропал без вести?.. Нет, не верю. Позвольте, и это вы? (*протягивает телеграмму.*)

Вано. Что будешь делать? Я. Решил подготовить, что телеграмм больше не будет. «Вылетаю. Временно прекратим переписку»... (*Читает телеграмму.*) Что? «Сегодня приезжаю?» Зачем приезжаю? Почему приезжаю? Это — не я.

Елена Сергеевна. Не вы? А кто же?

Вано. Не знаю.

Елена Сергеевна. Неужели... неужели... еще какой-нибудь друг?

Вано. А что? Очень может быть. Дмитрия все любили в нашем полку. Позвольте... Он приезжает... А зачем он приезжает? Ха! Ну, приезжай, голубчик, приезжай. Посмотрю, какой у тебя будет вид. (*Засучивает рукава.*)

Елена Сергеевна. Что такое? Почему?

Вано. Как «что такое?» Он будет ухаживать за женой моего друга? Нет! Клянусь, за ней никогда и никто не будет ухаживать.

Елена Сергеевна. Вот еще новости! Не будут ухаживать? Да мою дочь всегда на руках носили.

Вано. Дочь пускай носят. Надо носить, раз ходить не умеет.

Елена Сергеевна. Не умеет ходить?

Вано. А что? Неужели ходит? Ай, какой способный ребенок!

Елена Сергеевна. Нет, он меня сведет с ума! Кто ребенок? Да вы знаете, что ей уже девятнадцать?

Вано. Дней?

Елена Сергеевна. Лет!

Вано. Что? Ничего не понимаю.

Елена Сергеевна. Боже мой, она на вокзал поехала. Может быть, все это ошибка, но все же надо предупредить... Ждет Диму, а придет какой-нибудь ветрогон, вроде вас. Извините, я волнуюсь.

Вано. Сплю... Сплю и вижу сон... Кто? Кто она?

Елена Сергеевна. Леля. Жена Димы.

Вано. А вы? Вы кто же?

Елена Сергеевна. А я бабушка.

Вано берет флакон с валерианкой, льет в стакан, не спуская растеряющего взгляда с Елены Сергеевны.

Елена Сергеевна. Остановитесь! Что вы делаете?
(Хватает его за руку.)

Вано (качаясь). Все равно... (Пьет.)

Елена Сергеевна. Едемте, едемте скорее!.. (Надевает пальто, шляпу.)

Вано. Куда едем? Зачем едем?

Елена Сергеевна. На вокзал! (Тащит его.)

Вано (вдруг останавливается). Один вопрос: где дедушка?

Елена Сергеевна. Какой дедушка?

Вано. Если вы бабушка, то, наверное, есть и дедушка?!

Елена Сергеевна. А-а! Нет. Дедушки нет.

Вано. Совсем нет?

Елена Сергеевна. Совсем.

Вано (радостно). Спасибо.

Елена Сергеевна. За что?

Вано. Так это же очень хорошо.

Елена Сергеевна. Что хорошо?

Вано. Все хорошо. (Берет ее под руку.)

Елена Сергеевна. Нет, я решительно не верю, что с Димой могла произойти вся эта история. Он всегда был таким нерешительным, таким размазней...

Уходят.

Пауза. Входят Леля и Дима с чемоданом.

Дима. Ты меня, Леленька, так хвалишь, что мне даже неловко...

Леля. Просто я очень люблю тебя. И ты стал теперь таким хорошим! Внимательным, заботливым! Милый! (Целует.) Дай мне посмотреть на тебя хорошенько. Ты изме-

нился. Похудел, что ли? Подтянутый такой. И глаза стали синие. А был неуклюжий.

Д и м а. Но где же мой... наш маленький? Мой Валерий? Лел я. Горинька? Пойдем... Только не разбуди...

Уходят в другую комнату, скоро возвращаются, у Лели на руках ребенок.

Д и м а (*взглядывая через ее плечо*). Он необыкновенный. Он совсем не похож на других детей. Правда?

Лел я. Да, да, и все понимает. Когда я показала ему твою погремушку, он сделал губами вот так... (*Изображает.*)

Д и м а. Замечательно! (*Целует ее.*) Но какую мою погремушку?

Лел я. Розовую.

Д и м а. Розовую?

Лел я. Ну да. Которая была в посылке. Ты попржему все забываешь. Милый! (*Целует.*) Ну, я отнесу Гориньку в постельку. (*Уходит с ребенком.*)

Дима подходит к ящичкам с бабочками.

Лел я (*возвращается*). Я храню все твои коллекции.

Д и м а. Папиллио Подалириус... Ванесса Ио... Знаешь, как-то у меня была вынужденная посадка... Машина командира сгорела, и я уговорил его полететь на моей. А сам пошел... И вот там, в лесу... Понимаешь, кругом немцы...

Лел я. Постой... Ты отдал свою машину? Значит, ты рисковал, ты пожертвовал...

Д и м а. Не надо громких слов, Лел я. Командир был ранен, а я здоров. Так каждый на моем месте сделал бы. И вот, когда я шел по лесу, я увидел бабочку... Из семейства ванесс, повидимому, полхререс, но необыкновенной расцветки. Сейчас посмотрю... (*берет книгу, идет.*)

Лел я. А я приготовила для тебя подарок. (*Протягивает домашние туфли.*)

Д и м а (*отрываясь от книги*). А? Спасибо!

Лел я. Тебе нравится?

Д и м а (*надев туфли*). Очень. Вообще чертовски хорошо, когда кто-то заботится о тебе, хочет сделать приятное. В особенности, когда это любимые руки. (*Целует ее, углубляется в книгу.*)

Лел я. Я вышивала их, когда ждала Гориньку.

Д и м а. Дорогая! (*Целует.*) Но скажи, почему ты Валю называешь Горинькой?

Лел я. Какого Валю?

Д и м а. Ведь нашего сына зовут Валерием?

Леля. Нет, ты же сам хотел дать имя Георгий.

Дима. Я? Как? Ты забыла? Я всегда говорил: если будет сын, мы назовем его Валерием, как звали Чкалова.

Леля. Да, но потом ты дал телеграмму...

Дима. Никакой телеграммы я не давал.

Леля. Что с тобой? Твоя забывчивость становится болезнью...

Дима. Наоборот. Теперь я ничего не забываю. От моей прежней безалаберности не осталось и следа. В армии я стал совсем другим.

Леля. Но ты просил назвать сына Георгием.

Дима. Никогда.

Леля. Ты волнуешься... Давай оставим этот разговор. Имя уже дано, и мне оно нравится.

Дима (*хочет закурить*). Одна осталась. Ты будешь?

Леля. Я бросила курить. Я же тебе обещала.

Дима. Ты уже столько раз обещала...

Леля. Но теперь... Теперь я стала другой...

Дима. Почему? (*зглуоляется в книгу*.)

Леля (*многозначительно*). Так... (*Подходит, обнимает его*.) Ведь, если человек, который всегда забывает даже самые важные дела, сейчас на фронте помнит, что любимой женщине нравится чай с лимоном... И если он посылает посылку, в которую заботливо укладывает трубочки с лимонным порошком... Такой человек действительно любит. Правда?

Дима (*рассеянно*). Да... Вероятно...

Леля (*кладет голову к нему на плечо*). Я знаю, ты осуждаешь меня. Считаешь, что важно чувство, а не форма проявления. Но, милый, поверь, важно то и другое. Ведь тебе приятно, что я вышила туфли? Приятно. Вот и нам, женщинам, очень нужно чувствовать чье-то внимание... За этой маленькой посылкой я вижу большое чувство. Любовь. (*поет*.)

Пусть простенький цветочек
Прислал мне милый мой,
Пусть только пара строчек
По почте полевой...

Мне слов не надо пылких,
Не надо клясться вновь...
И в маленькой посылке
Увижу я любовь.

Дима. Позволь... Значит, это ты получала посылки?

Леля. Да. Не волнуйся, милый, я уже хорошо себя чувствовала и сама сходила на почту.

Дима *(в волнении засовывает в карманы спички, папиросную коробку, пепельницу)*.

Леля. Милый, что с тобой? *(Вытаскивает из его кармана пепельницу)*. Перепачкался. У меня теперь два ребенка: ты и Горинька. Сейчас я сделаю твой любимый компот. Хочешь?

Дима. Да! То есть... мне все равно...

Леля. Отдыхай, а я сейчас... *(Уходит)*.

Дима. Странно... От кого она получала посылки?.. Большое чувство... Любовь... *(Берет книгу, хочет читать)*. Все же интересно, кто? Николай или Сережка? Николай ей и при мне цветы носил. А Сережка недавно адрес спрашивал. *(Позвенел погремушкой)*. Вот негодяи, а еще товарищи! Однако хочется курить. Неужели у нее не осталось ни одной папиросы? *(Подходит к столу, хочет открыть ящик)*.

Леля *(входит, про себя тихо)*. Боже мой, там папиросы! *(Громко)*. Ты что?

Дима. А?

Леля *(загораживает ящик)*. Ты, кажется, что-то ищешь?

Дима. Да, смотрю, нет ли папирос.

Леля. У меня нет... Я ведь тебе сказала, что бросила курить... Уверю тебя, здесь нет...

Дима. Почему ты так волнуешься?

Леля. Я? Ничуть.

Дима. Ты покраснела?

Леля. Я покраснела? Не знаю... Наверно, от плитки. Я ведь делаю компот. Садись сюда! *(Тащит его в другой конец комнаты)*.

Дима. Но я чувствую, что ты волнуешься. И не смотришь мне в глаза.

Леля. Я? Ах, господи, ничуть! Тебе показалось, право, показалось...

Дима. Куда ты меня тащишь? Я не хочу. Я хочу быть возле окна.

Леля. Нет, нет, ты простудишься. Садись вот сюда. И обещай мне не подходить к окошку. Обещаешь?

Дима. Ну, хорошо.

Леля. Сейчас будет тебе компот. *(Убегает)*.

Дима *(один)*. Что с ней? Краска на щеках, неестественный голос. Что здесь без меня случилось? Как будто она боялась, что я открою ящик. Почему? *(Открывает*

ящик, падает на пол ворох телеграмм. Поднимает одну, читает.) «Выслал посылку. Бесполоюсь здоровье. Целую». Ничего не понимаю. (Читает другую телеграмму.) «Случае рожденья мальчика прошу назвать честь Саакадзе Георгием». То есть, на каком же основании кто-то распоряжается моим ребенком? Что это за телеграммы? От одного или от разных?

Леля (вбегает со сковородкой в руках, роняет ее). Он нашел мои папиросы!..

Дима (засовывает назад телеграммы). Ну?

Леля (смуценно). Ты нашел их?

Дима (поднимает сковородку). Что это такое? (Поет.)

Вопоющие улики!

О, как женщины двулики!

(Ей.)

Что ты скажешь мне теперь?

Леля (Поет).

Не курить дала я слово,

Но нашел он «Дели» снова...

(Ему.)

Их немного, о поверь!

Дима. Ты солгала, это гадко!

Леля. Их не более десятка...

Дима. Я с ума сойду сейчас!..

Счастье было... счастья нету...

Для чего тебе все это?

Леля. Я держала прозапас...

Дима, покачнувшись, садится.

Леля. Ты огорчился?

Дима. А ты как думаешь?

Леля. Но ведь я же не постоянно. Иногда... Если мне становилось без тебя очень грустно...

Дима. Леля, ты отдаешь себе отчет, что ты говоришь?

Леля (пожимает плечами). Наконец это просто глупо. Из-за всякой мелочи, из-за ерунды... Можешь злиться, сколько угодно. Я думала сегодня же выбросить их из ящика, а теперь назло не выброшу!

Дима (бросается к столику). Я сам их немедленно уничтожу!

Леля. Подумаешь! Завтра же будет сотня других.

Дима. Что? С ума сойти!

Леля. Можешь! Можешь хрипеть и сопеть от злости, сколько угодно! Кажется, Горик проснулся? (Убегает.)

Диме душно, расстегивает ворот гимнастерки. Входит Елена Сергеевна.

Елена Сергеевна (*бросается к нему*). Димочка. мой мальчик милый!

Дима. Елена Сергеевна... мне так плохо...

Елена Сергеевна. Что такое? Что случилось?

Дима. А? Нет, ничего... Ничего... Голова болит.

Елена Сергеевна. Опять мигрень?

Дима. Да... да... опять.

Елена Сергеевна. Сейчас я полечу вас. (*Приносит пузырек со льдом.*) Вот положим лед на голову. Ну как? Лучше от холодного?

Дима. Нет... хуже.

Елена Сергеевна. Хуже? Тогда положим горячее. (*Приносит полотенце, от которого валит пар, прикладывает.*) Ну как? Лучше?

Дима. Хуже.

Елена Сергеевна. Хуже? А так? (*Очень туго обвязывает полотенцем голову Димы.*) Лучше?

Дима. Не-е... не-нет...

Елена Сергеевна. Придется применить средство более сильное. (*Уходит.*)

Вано (*входит.*) Друг! Дмитрий!.. (*Бросается к нему.*)

Дима. Вано?! Откуда? (*Срывает повязку.*) Вот, чортушка!

Обнимаются, жмут руки, целуются.

Вано (*сжимая его в объятиях*). Живой? Целый?..

Дима. А то как же?

Вано. Какой день! Какой замечательный день, а? Где же ты был?

Дима. Сначала у партизан. А потом добрался до своей части. Но ты уже уехал. Ну я решил: разыщу хоть на Северном полюсе. А ты...

Вано. Зачем так далеко ходить, я сам пришел. Не надо искать. Подхожу, смотрю — в передней шинель. Твоя шинель. Слышу голос. Твой голос. Ну, говорю я себе, Вано, беги скорей, доставай вино. (*Вынимает бутылку.*) Цинандали! А ты почему с полотенцем?

Дима. А я, знаешь, больной...

Вано. Кто больной? Ты больной? Сейчас я тебя вылечу. (*Откупоривает бутылку.*) Лучше всякого доктора!

Дима. Хорошее вино. А ты помнишь, Вано, ту ночь перед моим вылетом?

Вано. Отлично помню. Луна выходила красная, как

кизил. На ущербе. Лес кругом был. Большой лес, почти как у нас, в Абхазии...

Дима. Вокруг костра собрались свои ребята... Помнишь? И всю ночь пели...

Вано (*запевает*).

Дима (*подхватывает*).

Среди схваток жарких,
Грохота и гула
К нам пришли подарки
Из родных аулов.

И когда в сугробах
Вьюги распевали,
Хлопнула в окопах
Пробка Цинандали...

Словно солнце юга
Расцвело над садом,
Словно сердце друга
Вдруг забилось рядом.

Будто зашумели
Старые чинары,
Ласково запели
Звонкие дутары.

Вдруг пропали версты...
И не за горами
Мать, друзья и сестры
Были рядом с нами.

И глаза горянки
Нас на подвиг звали...
Это мы в землянке
Пили Цинандали...

Во время пения появляется Елена Сергеевна с бутылкой микстуры. Увидев Диму совершенно здоровым, она уходит.

Дима. Эх! Хорошее было время!

Вано. Теперь еще лучше будет.

Дима. Нет, не будет... Здесь без меня в доме произошло что-то странное...

Вано. Это потому, что я сказал ей: он пропал без вести.

Дима. Ах, вот как! Она решила, что я не вернусь? Что же она? Плакала?

Вано. Нет. Она смеялась. Она не верила. А какой у нее смех! Как горный ручей журчит... А глаза? Как спокойное озеро в летний день. Ты что смотришь? Думаешь, что я — старый ишак?

Дима. Нет... Постой, постой... Мне кажется... Кажется, я начинаю все понимать. Я ведь знаю тебя... Ты... Ты влюбился?

Вано. Ну, ну! Подождем говорить такие большие слова.

Дима. Так, так. Все понятно. Значит, ты... Значит, она... Я думал, что у нас с тобой настоящая боевая дружба. Эх!..

Вано. Почему так говоришь? Зачем сердиться?

Дима. Вот она и любовь и дружба! Все понятно. Все понятно. Значит, это ты? *(Протягивает телеграмму.)*

Вано *(радостно)*. Конечно, я!

Дима. И посылку ты?

Вано. Я.

Дима. И погремушку? Выходит, я тебе обязан?

Вано. Какие могут быть счеты между друзьями?

Дима. И это говоришь ты, мой Вано, мой честный, благородный Вано, которого я так любил!

Вано. А разве я не любил? Почему сердиться?

Дима. Любил! Так зачем же ты писал моей жене? Посылки посылал! Телеграммы!

Вано. У нас на Кавказе такой обычай. Если друг долго уехал, заботься о его жене. *(Поет.)*

Есть у нас в горах обычай такой:

Если друг аул покинул родной,

О жене его заботься, кунак,

И детей его качай вот так...

У нас, на Кавказе, говорят за это спасибо.

Дима. Что? Еще я должен говорить спасибо?

Вано. Да. Если бы мы жили во времена Шота Руставели...

Дима. Ну, если б мы жили в разные там времена, я бы на дуэль должен был тебя вызвать, а сейчас... сейчас я просто уйду!..

Входит Леля.

Вано. Куда пойдешь? Зачем пойдешь?

Леля. Ты куда, Дима?

Дима. Пойду... я пойду за папиросами...

Вано. Кури мои. *(Протягивает коробку.)*

Дима. Спасибо. Не курю чужих.

Леля. Кури мои.

Дима. Твои?

Леля. Ну да. Ты же видел их в ящике. (*Вынимает коробку.*) Из-за них был такой большой разговор. (*К Ваню.*) Простите, Дима почему-то не знакомит нас. Мама сказала, что приехал Ваню... Это вы, да? Я очень рада. Дима давно писал...

Дима с недоумением смотрит то на Ваню, то на Лелю.

Ваню (*рассматривает Лелю*). А вы похожи... Очень похожи...

Леля. На кого?

Ваню. На нее.

Леля. На маму? Да.

Дима (*заикаясь*). Э-э-э...

Леля. Ты что, Дима?..

Дима. Э-э-э...

Ваню. Он обиделся, зачем я писал вам.

Леля. А разве вы мне писали?

Ваню. Да... Конечно... Немного... Телеграфировал... За него.

Леля. Как за него? Неужели телеграммы (*вынимает из ящика все телеграммы.*)...эти чудесные, нежные телеграммы посылал не он? (*Ваню молчит.*) Дима! Что он говорит? Разве не ты ежедневно телеграфировал мне, беспокоился о моем здоровье, о нашем ребенке? Может быть, не ты послал и эту очаровательную розовую погремушку?

Дима (*берет ее руки*). Видишь ли, Леля... Я очень, очень беспокоился о твоём здоровье и хотел видеть нашего ребенка, я люблю тебя бесконечно...

Леля. Ну?

Дима. Но раньше я не всегда умел выразить все это...

Леля. Но ведь телеграммы посылал мне ты?

Дима (*опускает глаза*). Нет, не я...

Леля. Как не ты? (*Готова заплакать.*) А кто же? (*К Ваню.*) Это вы? Да?

Ваню (*решительно*). Эти телеграммы посылал вам Дмитрий. Да, да. Иногда он бывал очень занят. И я отправлял их.

Леля (*радостно*). Ах, вот как! Всего лишь отправляли?

Ваню. Конечно. Я же его друг.

Леля. А посылку? Посылку — он? Я представляла себе: вокруг бой, снаряды рвутся, бомбы, а он все равно помнит обо мне, помнит, что у него ребенок...

Ваню. Да, да, конечно... Так и было... И снаряды рвались, и бомбы. (*Берет погремушку.*) Фугаска разорвалась

в соседнем блиндаже... Воздушной волной примяло немножко... Но это ничего. Правда?

Леля. Разумеется. *(Целует Диму.)* Милый! *(Убегает.)*

Вано. Ну, друг?.. Что скажешь?

Дима *(крепко жмет руку Вано)*. Спасибо! Спасибо за все. Даю слово, что я... я оправдаю твои слова. Ты понимаешь, я всегда считал себя образцовым мужем... Но только сегодня понял, каким я был образцовым чурбаном.

Вано. Любовь, как виноградник. Не ухаживай за ним, он заглохнет. Пройдет время, и ты не сможешь найти, где он был.

Дима. Слушай, Вано, из тебя выйдет прекрасный семязанин.

Вано. Не знаю... Возможно, да... Домашний уют... Конечно... Маленькая слабая женщина, которой всегда нужна опора... И когда я на фронте, она дома ждет меня. Она всегда ждет дома...

Дима. Постой, постой!.. Но кто она? О ком ты?

Вано. Кто она?

Входит Елена Сергеевна, на ней костюм военного врача, пилотка, оружие. За ней — Леля. В руках у них по два бокала.

Вано. Вы? Почему вы... в этом?.. *(Показывает на форму.)*

Елена Сергеевна. На фронт. Скоро поезд.

Вано. Вы на фронт?

Елена Сергеевна. На Северо-западный.

Вано. Ай! Так ведь я тоже на Северо-западный!

Елена Сергеевна. Ну что ж! Едем вместе. А сейчас, Ванечка, идемте ужинать. Я специально для вас сделала ваше любимое чахохбили.

Вано. Для меня? Что за день сегодня! Клянусь, он самый лучший. Елена Сергеевна, когда много горя, человек умирает. А когда много радости?

Дима берет бокал у Лели.

Елена Сергеевна. Тогда человек берет свой бокал и, чокнувшись с друзьями, выпивает его до дна. *(Подает ему бокал.)*

Дима. Леля, даю слово, теперь я никогда не буду небрежным к тебе, невнимательным... Даю слово, что я...

Вано *(с бокалом)*. Друзья, сегодня такой день... такой день, когда нельзя говорить прозой. Сегодня я хочу говорить стихами Руставели.

Лишь тому, кто знал потери,
Насладиться в полной мере
Вкусом радости дано...

Камень есть в стене Китая,
Надпись там на нем такая:
«Кто не ищет друга — злая
Жизнь его. Себе он враг...»

Неизменно, что б ни было,
Любим мы родимый край,
У работника — работа.
У бойца война — забота.

Если ж любишь, так без счета,
Верь любви и в ней сгорай!

Л е л я. Т-с!.. Тише!.. Не разоудите его... (*Прислушивается.*)

В а н о (*шопотом*). Дима, я пью за твоего сына и за моего будущего сына. И за всех сыновей, дай бог их побольше! (*Гихонько запеваёт, все вполголоса подхватывают.*)

И когда в сугробах
Вьюги распевали,
Хлопнула в окопах
Пробка Циннандали...

Словно солнце юга
Расцвело над садом,
Словно сердце друга
Вдруг забилось рядом.

Тихо на цыпочках уходят. Поют чуть слышно.

Вдруг пропали версты...
И не за горами
Мать, друзья и сестры
Были рядом с нами...

К о н е ц.

ГРИГОРИЙ МЕРЛИНСКИЙ
КОЛЬЦО С ЯКОРЕМ

Драматический этюд

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Ван-Бутен — старый моряк.

Питер — его внук.

Штурмовик.

Комната Ван-Бутена. Висит сеть, в углу — бочка. На ней сидит Питер и поет.

Питер. Рев волны и чайки крик.

В море мы, как дома.

Рванный парус, старый бриг

И бутылка рома.

(Надевает очки Ван-Бутена и закуривает его трубку.)

Море тихо, ветер стих.

Буря нам знакома.

Рванный парус, старый бриг

И бутылка рома...

Ван-Бутен *(входя)*. Ты что делаешь, чертенок? Чтоб это было в последний раз, слышишь? Снимай очки и давай трубку... Где веревка? Я тебя сейчас выдеру. Опять бегал к морю?

Питер. Я не ходил к морю, дедушка.

Ван-Бутен. Ты был в доках? Опять бегал с Гансом и Лерсаном?

Питер. Да, дедушка.

Ван-Бутен. Видишь, от меня ты ничего не скроешь. Чтоб это было в последний раз. Мне это надоело. Листовки — сухопутное дело, а ты — будущий моряк, Питер. Ты будешь плавать в этом старом болоте—Северном море, как все мы, Ван-Бутены.

Питер. А папа? Он не был моряком.

Ван-Бутен. Христиан, твой отец, был единственный сухопутный человек в нашей семье.

Питер. Ты думаешь, дедушка, что я не знаю, за что фашисты замучили папу? Мне объяснил Ганс.

Ван-Бутен. Лучше тебе не соваться, куда не надо. Политика — дело не для моряков...

Питер. Там в листовке написано...

Ван-Бутен (*озирясь по сторонам*). Тише ты, фок-мачта тебе в глотку!

Питер. «...долой фашистских оккупантов!»

Ван-Бутен. Тише! За эти слова тебя могут расстрелять. Тише!

Питер. Хорошо, я не буду больше говорить. Расскажи мне про папу, дедушка.

Ван-Бутен. Христиан Ван-Бутен был хороший человек. Его любили все рабочие на доках Компфендорта, и он был член забастовочного комитета. Они его замучили.

Питер. Кто?

Ван-Бутен. Фашисты. Они, наверно, замучили и моего Гейнца, фок-мачта им в глотку!

Питер. Гейнца?

Ван-Бутен. Да. Вот его карточка. (*Показывает фотографию.*) Ты видишь, какой хороший мальчик, с добрыми голубыми глазами. Я был привязан к нему, как к родному сыну. (*Смотрит на фотографию.*) Восемнадцать лет тому назад, когда тебя еще не было на свете, ко мне привезли Гейнца. Нам всем прислали немецких детей, потому что в Германии после войны был голод. Им пришлось туго, фок-мачта им в глотку! Я взял Гейнца, и он стал мне дорог, как родной сын. Бедный Гейнец! Наверно, фашисты замучили его. Он прожил у меня четыре года, и я привык к нему. Он полюбил это старое болото — Северное море, и мы с ним ходили на бриге «Мария» в девять баллов.

Питер. А дальше что с ним было?

Ван-Бутен. У него отыскался какой-то родственник, отставной офицер — фок-мачта ему в глотку! — и Гейнец поехал в Дортмунд. Он хотел писать, но я не получал от него писем. Прошло четырнадцать лет, но я все еще вспоминаю моего Гейнца. Из него вышел бы моряк, настоящий Ван-Бутен. (*Пауза.*) Это было давно, но все так же бьет в окна ветер со старого болота — Северного моря. Такой же туман над городом. Вот осталась карточка...

Питер. Какие у него добрые глаза!

Ван-Бутен. Перед его отъездом я подарил ему кольцо с изумрудным камнем, на котором выгравирован якорь. Гейнец поклялся никогда его не снимать.

Питер. Кольцо с якорем?

Ван-Бутен. Да. У этого кольца своя история. Его мне подарил дед, старый моряк, а ему — его отец. Такого кольца ни у кого на свете нет. Фок-мачта мне в глотку, если я вру.

Питер. А как оно к тебе попало, дедушка?

Ван-Бутен. Кольцо переходит у нас, Ван-Бутенов, из поколения в поколение. Оно было предназначено твоему отцу, Христиану, но я отдал его... Гейнцу, потому что он любил море, песчаные дюны, а твой отец все время отдавал книгам. Он не любил моря.

Питер. А как кольцо попало к твоему деду?

Ван-Бутен. К прадеду ты хотел сказать? Он нашел его на дне моря. Он был моряком и ловил рыбу у берегов Исландии. Среди моряков ходили рассказы, что у Фарёрских островов на дне моря погребено очень много золота. Иоганн Ван-Бутен, отец моего деда, был хороший пловец. Под водой он чувствовал себя не хуже, чем дома. Крепкие тогда были люди, чорт возьми!.. Однажды ночью, когда все матросы спали, он нырнул и...

Питер. Что же дальше?

Ван-Бутен. Нырнул и нашел это кольцо. Но когда он уже всплывал, на него напал зеленый головоногий спрут и хотел разлапить пловца своими щупальцами.

Питер. И что же?

Ван-Бутен. Мой прадед вырвался и всплыл навех. Это было не легко. Вот какие бывают истории, Питер. Когда я был еще мальчишкой и плавал юнгой, мне часто по ночам снился этот головоногий скользкий спрут, и я просыпался в холодном поту, и мне казалось, что он меня душит своими щупальцами. *(Пауза.)* Это свастика напоминает мерзкие щупальцы спрута.

Питер. Дедушка, в листовках написано то, что ты говоришь.

Ван-Бутен. Молчи! Пои лучше свою песню. Тише! Полчица — это сухопутное дело.

Питер *(напевая)*.

Рев волны и чайки крик.

В море мы, как дома.

Рваный парус, старый бриг

И бутылка рома.

Ван-Бутен. Ты мог бы быть юнгой, Питер. Фокмачта мне в глотку, если я вру...

Входят штурмовик.

Штурмовик. Встать, когда входит немецкий офицер! *(Ван-Бутен и Питер встают. Старик откладывает трубку и прекращает цинить сечь.)* Около вашего дома расклеены листовки. За стены вашего дома отвечаете вы. Надеюсь, вы меня поняли? Мальчик!

Питер. Что вам угодно, господин офицер?

Штурмовик. Ты мне скажешь, кто расклеил эти листовки? Ты знаешь? Ну! *(Питер молчит.)* Ага, не хочешь говорить? Ну, на конфетку, лови! *(Бросает конфету, но Питер ее не ловит.)* Не хочешь? Ах, да, я забыл, что голландцы — гордый народ. Ван-Дейк, Ван-Гог, Ван-Дер-Люббе — нам это все известно.

Питер. Я не знаю, господин офицер.

Штурмовик *(замахивается хлыстом)*. Говори, голландская свинья!

Питер. Господин офицер...

Штурмовик. Не хочешь говорить? Ну, ты у меня заговоришь, упрямый чорт! Ну! *(Хватает Питера за руку и выворачивает ее.)*

Питер. Пустите, господин офицер, я не знаю!..

Штурмовик. Не знаешь?.. Мне эта песенка знакома. Я слышал ее в Бельгии и в Норвегии. Меня этим не удивишь, голландский щенок! С молоком матери вы всасываете упрямство.

Питер. Пустите!

Штурмовик *(выпускает руку Питера, ударяет его хлыстом)*. Это для начала.

Питер. Я ничего не знаю.

Ван-Бутен: Простите, господин офицер, но мы не знаем, кто расклеил эти листовки. Мы сухопутными делами не занимаемся. Политика — это гнилой товар в трюме, фок-мачта ей в глотку!

Штурмовик. Настоящий голландский патриот, уважающий германскую армию, давно бы листовку сорвал. А вы этого не сделали. *(Прохаживается по комнате и смотрит на фотографию Гейнца.)* Что это за мальчик?

Ван-Бутен. Это так.

Штурмовик. Кто он такой? *(Ван-Бутен молчит.)* Ну говорите. Что у вас, отнялся язык?

Ван-Бутен. Позвольте мне на этот вопрос не отвечать, господин офицер.

Штурмовик. Кто этот мальчик? *(Пауза.)* Говорите!

Ван-Бутен. Это мой приемный сын.

Штурмовик. Я где-то видел эту карточку. *(Рассматривает фотографию Гейнца.)*

Ван-Бутен замечает кольцо на руке штурмовика и пристально рассматривает его.

Ван-Бутен. Кольцо с якорем Гопкинса! Мать пресвятая богородица, что же это такое?

Питер. Дедушка, кольцо! Кольцо с якорем.

Штурмовик *(берет с каминных золотые часы)*. Гово-

рят, голландцы—очень гостеприимный народ и любят делать подарки. Я возьму на память о вашем доме эти часы. Они мне нравятся. Надеюсь, вы не возражаете?

Ван-Бутен. Нет.

Штурмовик (*смотрит на стену*). Что это за картина? Ну, что у вас есть еще?

Ван-Бутен. У меня было еще золотое кольцо с якорем, но я подарил его одному...

Штурмовик. Ну, договаривайте.

Ван-Бутен. Одному человеку.

Штурмовик. Я плохо понимаю, что вы хотите сказать.

Ван-Бутен. Так, вспомнил один случай, ерунда.

Штурмовик. Все это очень странно. Позвольте, я где-то видел ваше лицо.

Ван-Бутен. Да, вы меня видели, и очень близко, господин офицер.

Штурмовик (*вспоминая, после паузы*). Чорт возьми, да это старик Ван-Бутен!

Ван-Бутен. Гейнц! Гейнц! (*Пауза.*)

Гейнц. Гейнц Франк, он самый. Я не узнал тебя, старик. Ты здорово подкормил меня в свое время. Это были тяжелые годы, чорт возьми! Я это помню.

Ван-Бутен. Гейнц, я думал, что никогда не увижу тебя.

Гейнц. Старина! Я часто вспоминал тебя. Если бы не ты, я в детстве протянул бы ноги. Правда?

Ван-Бутен. Да, это правда.

Гейнц. Какая неожиданная встреча! Ты рад, старик, что встретил своего приемного сына? (*Ван-Бутен молчит.*) Что же ты молчишь? Разве ты не узнал меня?

Ван-Бутен. Гейнц Франк был другим.

Гейнц. Ты меня сразу узнал, старик?

Ван-Бутен. Нет, я не знаю тебя.

Гейнц. А я не забыл тебя, старина.

Ван-Бутен. И поэтому вы посетили меня, господин офицер? (*Протягивает фотографию.*) Вот твоя карточка.

Гейнц. Да, я вижу что-то знакомое. Я не узнал самого себя. (*Смеется. Ван-Бутен смотрит на Гейнца и молчит.*) Что же ты молчишь? Я не узнал маленького Гейнца Франка. Что же ты не смеешься? Разве это не смешно?

Ван-Бутен. Ты раньше был другим, Гейнц!

Гейнц. Да, теперь я стал солдатом и настоящим немцем. Я бросил старые привычки. Вот только твое кольцо я

ношу с самого детства, к нему я привык, с ним я дрался во Франции на Сомме. Но это неважно. Ну, старина Ван-Бутен, ближе к делу. Я встретил старых знакомых, они мне скажут точнее, кто расклеил эти листовки. Ну, пошевеливайся, старина. Ты мне сделал столько одолжения в детстве, надеюсь, не подведешь меня сейчас. Кто расклеил эти листовки? Если ты мне скажешь, то можешь быть по-коен, что немецкие офицеры умеют благодарить. Мальчик, говори!

Ван-Бутен. Он ничего не скажет, господин Гейнц Франк.

Гейнц. Этот тон мне не нравится, старина.

Ван-Бутен. Если бы я знал, что вырастил зверя, я не кормил бы тебя четыре года. Ты обманул меня. У меня никогда не было приемного сына. Слышишь? *(Гнет фотографию и бросает ему в лицо.)*

Гейнц. Молчи, старая калоша, или я размозжу тебе череп!

Ван-Бутен. Я проклинаяю тебя, я ненавижу вас! Гитлер — это чудовище, скользкий и омерзительный спрут. Но ему отрубят его омерзительные щупальцы. Будет день, господин Гейнц Франк.

Гейнц. Не смейте оскорблять фюрера!

Ван-Бутен. Мерзавец твой фюрер, фок-мачта ему в глотку!

Гейнц. Молчи!

Ван-Бутен. Я слишком много молчал. Мы не можем больше молчать. *(За окном слышен шум ветра с моря.)* Слышишь, что кричит ветер? Это воет ветер старого бота — Северного моря.

Гейнц. Скоро все моря будут наши, старик. Запомни это... Твое кольцо хранило меня в сражениях. Оно приносит счастье.

Питер. Отдайте кольцо с якорем, господин офицер.

Гейнц. Подарки не отдают обратно, мальчик. Тебе разве это неизвестно?

Питер. Отдайте кольцо дедушке...

Гейнц. Мы держим в руках всю Голландию... Надеюсь, это кольцо тоже останется у меня.

Ван-Бутен. Отдай кольцо мальчику.

Гейнц. Зачем?

Ван-Бутен. Не погань его в своих руках... Его носили Ван-Бутены — моряки, честные люди, чорт возьми!.. Оно переходило у нас из поколения в поколение. Будь ты проклят! Я тебя ненавижу. Выродок!

Питер. Дайте кольцо, господин офицер... Слышите!
(Бросается на Гейнца, который ударяет Питера.)

Питер кусает штурмовика.

Гейнец. Чорт!.. (Хватается за руку.)

Ван-Бутен (с восторгом смотрит на Питера). Это мой внук, настоящий Ван-Бутен. Фок-мачта мне в глотку, если я вру.

Гейнец. Проклятая семья!.. Вы арестованы оба. (Вынимает револьвер.) Руки вверх! (Ван-Бутен не поднимает рук.) Ну, молокосос! Руки!

Питер поднимает руки.

Ван-Бутен. Питер!

Гейнец. Подойди ко мне... Ближе! (Питер подходит с поднятыми руками.) Я с тобой говорю, как со взрослым. Старик выжил из ума. Ты знаешь, кто расклеил листовки?

Питер. Знаю...

Ван-Бутен. Питер!

Гейнец. Ну, кто? Говори, не бойся...

Ван-Бутен. Молчи...

Питер. Я скажу, дедушка.

Ван-Бутен. Молчи...

Гейнец. Говори. Ну? Кто расклеил листовки?

Питер. Я...

Ван-Бутен. Молодец! Теперь я вижу, что ты настоящий моряк, Питер!

Гейнец. Ты ответишь за все, старик. Тебе дорого обойдется это воспитание. (Поднимает револьвер.) Германии не нужны такие люди, как ты.

Питер (бросаясь вперед, заслоняя Ван-Бутена). Не трогайте дедушку! Не трогайте... (Гейнец стреляет. Выстрел. Питер падает. Старик склоняется над внуком.) Ничего... Что он сделал?.. Папа... Дедушка... Не трогайте дедушку... (Замолкает.)

Гейнец (смотрит на валяющиеся на полу обрывки своей фотографии). Маленький Гейнец Франк! (Смеется.) Таким я не был никогда... (Уходит.)

Ван-Бутен (над телом Питера). Питер! Питер! Не слышит... Питер, что ж это такое, мать пресвятая богородица!.. Умер... Да. Теперь я знаю. (Поднимается. За окном ветер и шум Северного моря.) Теперь я знаю, что мне делать... Я отомщу за все... За Питера, за Христиана, за Голландию...

К о н е ц

ЛЕЙТЕНАНТ ФОН-ПЛЯШКЕ

Водевиль с пением и маршировкой

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Фон-Пляшке — прусский лейтенант со стэкком. Монокль, корсет и пр.

Герр Пимперникель — коммерции советник, фабрикант резиновых изделий.

Фрау Пимперникель — его жена.

Фрейлен Каролина Пимперникель — дочь. Коса, как у Гретхен из «Фауста», короткое платье.

Зигерле — коммивояжер, посредник, маклер, сводник, ростовщик. Лет от 30 до 60. В клетчатом.

Толстый Карл — хозяин пивной в окрестностях Берлина под вывеской «К Толстому Карлу». Толст, без пиджака, зеленый передник и кожаные нарукавники, колпак «Михеля».

Голос за сценой (слева). Гей! Толстый Карл!

Толстый Карл (появляется из дверей пивной. В каждой руке по шесть кружек. Танцует и поет, аккомпанирует звоном кружек). Сейчас! (Поет.)

У Толстого Карла прекрасное пиво,

Сосиски в кулак толщиной;

Колбасы варю я и жарю надиво,

Готовлю омлет с ветчиной. Бом!

И так мы поем,

Диг-диг — бом-бом!

Танцуем и поем!

Диг-диг — бом-бом!

Бом!

Голос (слева). Толстый Карл!

Толстый Карл. Сейчас! (Бежит налево, возвращается с пустыми кружками. Поет.)

У Толстого Карла капустой тушеной

Вас, как во дворце, угостят.

Пред вами поставят с приправой зеленой

Картофельный прусский салат. Бом!

И так мы поем!

Диг-диг... (и т. д.).

Голос (справа). Толстый Карл!

Толстый Карл. Сейчас! (Бежит в пивную, возвращается с полными кружками. Поет.)

Заходят ко мне и студент и ассессор,
Купец, офицер, адвокат.
Актер, музыкант, журналист и профессор
И бочками пиво дудят. Бом!

Припев.

Голос (*справа*). Толстый Карл!

Толстый Карл. Сейчас! (*Идет. Возвращается с пустыми кружками. Поет.*)

У Толстого Карла не сердце, а гейзер.
Он пылкий пруссак-патриот.
Да здравствует Пруссия, пиво и кайзер
И Толстого Карла живот. Бом!

И так мы поем!

Диг-диг — бом-бом!

Танцуем и поем!

Диг-диг — бом-бом!

Бом!

(*Смотрит за кулисы.*) Что это значит? Вся левая сторона улицы полна народа, а на правой хоть бы один человек... Нет, вон кто-то виднеется вдали. Ну, конечно, так и есть. Это лейтенант фон-Пляшке изволит делать прогулку по городу. Фамозный лейтенант! Колоссальный лейтенант! Пирамидальный лейтенант! (*Вынимает из кармані записную книжку, читает.*) Лейтенант фон-Пляшке... фон-Пляшке... Две тысячи тридцать пять марок пятьдесят пфеннигов. Да еще и сегодня, наверно, выпьет бутылок пять моего лучшего либфрауенмилх и съест десяток рейнских форелей. Могу ли я ему отказать? Впрочем, Зигерле постоянно говорит, что каждый прусский лейтенант носит в кармане маршалский жезл. Ну что ж, пока потерпим и будем понемногу приписывать к счетам. Зигерле—умный человек и никогда не говорит на ветер. А вот и он плетется так далеко сзади лейтенанта.

Входит фон-Пляшке.

Толстый Карл (*низко кланяясь*). Высокородный господин лейтенант! Имею честь...

Фон-Пляшке. Здравствуй, мой храбрый ландштурм. Ты видел мое торжественное шествие?

Толстый Карл. О, это было сверхъестественно! Умопомрачительно! Сногшибательно!

Фон-Пляшке. Когда я гуляю по одной стороне улицы, то все жители должны переходить на другую. Такой мой закон.

Толстый Карл. Чрезвычайно мудрый закон.

Фон-Пляшке. Да. *(Поет.)* Я лей-те-нант.

Толстый Карл. Фамозный, колоссальный, пирамидальный лейтенант. А сзади вас, далеко-далеко, точно собачка, плелся Зигерле.

Фон-Пляшке. Каждый штатский, которого лейтенант фон-Пляшке удостоит взять с собой на прогулку, обязан итти на пятьдесят шагов сзади, садиться, только получая на это разрешение, и, отвечая на вопросы *(кричит)*, вставать!

Толстый Карл *(вытягивается)*. Хох лейтенант фон-Пляшке!

Фон-Пляшке. Отвечай мне быстро: какие самые священные слова для каждого германского мужчины, начинающиеся с буквы «к»?

Толстый Карл *(твердо)*. Кайзер, кровь, контрибуция.

Фон-Пляшке. Кто самое совершенное существо на свете?

Толстый Карл. Прусский гвардейский кавалерийский лейтенант.

Фон-Пляшке. Спасибо, мой ландштурм. А теперь позови этого болвана Зигерле и скажи ему, что лейтенант фон-Пляшке допускает его до лицезрения своей особы.

Толстый Карл *(за кулисы)*. Зигерле! Эй, Зигерле! Сюда!

Фон-Пляшке. А кстати, ты сейчас достанешь из погреба мое вино, приготовишь мою рыбу и подашь все это туда... в мою беседку, вместе с моими сигарами.

Толстый Карл. Господин лейтенант! *(Вынимает книжку.)* Здесь за вами...

Фон-Пляшке. Эп! Разговор? Непослушание? Забыл дисциплину? *(Протягивает над землей хлыст.)*

Толстый Карл. Господин лейтенант, очень жарко.

Фон-Пляшке. Эп! *(Разрезает хлыстом воздух.)*

Толстый Карл. Мой живот, господин лейтенант...

Фон-Пляшке. Кажется, я вынужден повторять? Эп! Гоп! Нох ейн маль. Гоп! Браво, шен... Еще раз! Гоп! Молодец!

Входит Зигерле.

Толстый Карл. Рад стараться, господин лейтенант.

Фон-Пляшке. Можешь расцеловать мою левую ногу. *(Тот целует почтительно.)* Иди... распорядись и помни дисциплину. А-а! Мой добрый ландвер! Я сегодня в духе дрессировать весь мир. Прыгай и ты.

Толстый Карл уходит.

Зигерле. С наслаждением, мой великодушный господин.

Фон-Пляшке. Стой! Отвечай сначала: какие три самых главных слова на букву «к»?

Зигерле. Кайзер, кровь, контрибуция.

Фон-Пляшке. А для чего существует мир?

Зигерле. Для Германии.

Фон-Пляшке. Германия?

Зигерле. Для Пруссии.

Фон-Пляшке. Пруссия?

Зигерле. Для кавалерийского гвардейского лейтенанта.

Фон-Пляшке. Лейтенант?

Зигерле. Для того, чтобы повелевать, разрушать, делать долги, пить, есть, ни за что не платить, наслаждаться и блистать.

Фон-Пляшке. Как солнце.

Зигерле. Лучше. На солнце есть пятна, а мундир лейтенанта... безупречен.

Фон-Пляшке. Зигерле, ты лстец. Ну, гоп! Гоп! Гоп! Служи! Перевернись! (*Бросает хлыст.*) Марш! Пиль! Апорт! Молодец!

Зигерле. Рад стараться, господин лейтенант.

Фон-Пляшке. Можешь поцеловать мою правую ногу. На!

Зигерле (*целует*). Блаженство!

Фон-Пляшке. Сладко?

Зигерле. Химлиш. Небесно!

Фон-Пляшке. Садись вон туда. Подальше, вот так, чтобы от тебя не пахло демократическим духом. (*Зигерле садится на кончик стула.*) Теперь скажи мне, мой храбрый Зигерле (*Зигерле встает*), что это ты мне такое толковал о маршальском жезле?

Зигерле. Я говорил, что каждый прусский лейтенант носит у себя в кармане фельдмаршальский жезл. Это закон природы.

Фон-Пляшке. Садись.

Зигерле. Я позволю себе спросить его высокородие господина лейтенанта, много ли у его милости долгов?

Фон-Пляшке. А чорт их знает! Заплатит какой-нибудь дурак.

Зигерле. Сама мудрость говорит вашими устами! Непременно найдется кто-нибудь другой.

Фон-Пляшке. Когда я был произведен в офицеры, то мои юнкерские долги заплатил фатер. Мои корнетские

долги оплачивала муттер. Мои интрижки в балете и цирке я покрываю деньгами моих светских любовниц. А три года тому назад все мои полковые долги по кутежам погасил корпусный командир генерал-лейтенант граф фон-Эссенбах. Он часто ласкал меня и находил, что я красив, породист и хорошо сложен. Ты не находишь этого? Эп!

Зигерле. Из-зумительно! Аполлон! Но времена теперь настали очень тугие, господин лейтенант... У меня одного ваших векселей на триста тысяч...

Фон-Пляшке. Пустое, подождешь.

Зигерле. Господин лейтенант, если даже я подожду, то Кунце, Шмидт и фон-Брюкгоф не желают больше ждать.

Фон-Пляшке. Чорт возьми!

Зигерле. И они собираются подавать их ко взысканию. *(Садится.)*

Фон-Пляшке. Лейтенант прусской гвардии делает этим скотам честь, беря у них грязные деньги, а они... *(Строго.)* Почему ты сел без позволения, дерзкий Зигерле? *(Зигерле встает.)* Что же мне делать, чудовище? Я без копейки.

Зигерле. И я тоже без копейки, господин лейтенант... Придется, видно, платить.

Фон-Пляшке. Откуда же, дьявол? Из каких источников?

Зигерле. Источник мы, положим, найдем, и такой, что из него можно выудить еще несколько тыщенок. Женитьба, мой дорогой и обожаемый господин лейтенант, хорошая, выгодная женитьба... Все долги уплачены... Денег — миллионы... Свои дома и виллы... конюшни и автомобили... Блестящая карьера... Единственная дочь, в будущем огромное наследство... И кроме того, вы ведь сами знаете, что пора остепениться. Каждый хороший пруссак до тридцати лет бывает Адам Адамычем, а после тридцати он уже становится Карл Карлычем.

Фон-Пляшке. Н-да-а... Это идея. Но вопрос — на ком? Ты сам знаешь, что...

Зигерле. Что мундир лейтенанта должен быть не запятнан. Конечно, высокородный фон-Пляшке, род которого восходит ко времени первого крестового похода, может претендовать на руку многих принцесс, но что за толк, если эти принцессы сами штопают себе чулки и имеют втроем одно выходное платье?

Фон-Пляшке. Н-да-да... Ты вовсе не так глуп,

Зигерле, как сначала кажешься. Садись и говори дальше. Или нет, лучше стой, не садись. Дальше.

Зигерле. Так вот, решайтесь же, господин лейтенант.

Фон-Пляшке. Бух?

Зигерле. Бух, и вы прямо нырнете в золото. О-го! В наше время деньги — это такой рычаг, такой поршень, такой двигатель, такой мотор, такой...

Фон-Пляшке. Признавайся, каналья, ты кого-то уже имеешь в виду?

Зигерле. По чести?

Фон-Пляшке. Да. Если она у тебя когда-нибудь была.

Зигерле. По совести?

Фон-Пляшке. Если она у тебя еще осталась.

Зигерле. Какое сверкающее остроумие! Хорошо — дело идет начистоту. Вы, кажется, знакомы с коммерции советником господином Пимперникель?

Фон-Пляшке. Немного. Я им делаю честь: иногда посещаю их вечера.

Зигерле. Значит, и с фрау Пимперникель тоже знакомы?

Фон-Пляшке. Немножко ближе.

Зигерле. Ах вы, победитель! А ведь дамочка прекрасно сохранилась. Не правда ли?

Фон-Пляшке. Мм... (*Самодовольно мычит.*)

Зигерле. Точно роза, достигшая самого пышного расцвета. Да. Какие формы! Э?

Фон-Пляшке. Мм... (*Очнувшись, строго.*) Довольно! Ты слишком разболтался, Зигерле! Что ты хочешь сказать?

Зигерле. Да уже почти все сказано... Если вы знаете фрау Пимперникель, то вы, наверно, знаете и фрейлен Каролину Пимперникель?

Фон-Пляшке. Да, чуть-чуть. Танцевал с ней. Недурна.

Зигерле. Пунктум. Она и есть.

Фон-Пляшке. Гм... Подожди, Зигерле. (*Погрузился в размышления. Пауза.*) Да. Но мундир лейтенанта прусской гвардейской кавалерии...

Зигерле. Останется свят своей незапятнанностью, а его карманы пополнятся золотом, которое ничем не пахнет, прекрасно блестит и звенит очаровательно.

Фон-Пляшке. Да, но фамилия, фамилия... Каролина фон-Пляшке, рожденная Пимперникель... Брр...

Зигерле. И вовсе не брр... Умный господин Пимперникель давно уже внес в «Ясли для воспитания недоношенных младенцев» очень солидный куш. И ему весьма милостиво намекнули, что еще такой же взнос — и за его дочь будет укреплен титул прежних владельцев замка, в случае если она выйдет замуж за родовитого дворянина.

Фон-Пляшке. Это дело, Зигерле!

Зигерле. Вы женитесь на баронессе древнего рода, а папаша с мамашей скромно удалятся в свою великолепную виллу на Рейне. Там, среди роскошных цветников и виноградников, папа Пимперникель будет культивировать, а мама Пимперникель будет вязать теплые штанишки и набрюшнички будущим маленьким фон-Пляшкам. И ничем они не омрачат вашего прекрасного существования. Это ли не идиллия? Итак, господин лейтенант?

Фон-Пляшке. Ты говоришь умно и дельно, Зигерле. Я подумаю, и тогда...

Зигерле. Надо думать поскорее. Вся семья будет сегодня здесь... Очень удобный случай, воспользуйтесь им... Лоно природы... свежий воздух... трава... цветы...

Входит Толстый Карл.

Толстый Карл. Все готово, господин лейтенант.

Фон-Пляшке. Зигерле, приглашаю тебя позавтракать со мною. Кстати, поговорим о некоторых подробностях. *(Идет впереди Зигерле, вдруг останавливается.)* Я иногда удивляюсь тебе, Зигерле. Сколько лет я тебя знаю, и до сих пор не могу сообразить, что ты за существо. Ты все умеешь, все можешь, все понимаешь. Кто ты?

Зигерле *(поет)*.

Я честный маклер, я посредник,
Коммивояжер, комиссионер,
Кулачной силы проповедник
И самовластья миссионер.
Порой шпион международный,
Порой подлец, порсй нахал.
В обманах облик благородный
Я безвозвратно потерял.
Свободомыслия гонитель,
Нивелирую дух и ум.
Героев тайный отравитель,
Изобретатель пуль «дум-дум».
Никто не сунет в рот мне талец.
Я германизма верный щит.

Я крикну: «Дейтчланд юбер аллес!» —
И вся Европа запищит.

Толстый Карл. Форель простынет, господин лейтенант, и вино согреется.

Фон-Пляшке. Иду. Зигерле, у тебя высокая душа. На тебе правую руку. (*Зигерле целует.*) Я не забуду тебя. Идем.

Зигерле (*один*). Сейчас, мой лейтенант. (*Записывает в книжку.*) Итак, припишем к счету лейтенанта: за три поцелуя — три тысячи, за три алле-гоп — три тысячи, за то, что я служил, — две тысячи, шерш, пиль, апорт — три тысячи, итого — одиннадцать тысяч... Все равно какой-нибудь идиот заплатит.

За сценой напевают марш. Входит семья Пимперникелей, маршируя вперед и назад. У них бинокли, фотографические аппараты, гербарии, сачки для ловли бабочек, пледы, альпеншюжи, книги.

Господин Пимперникель несет на плече свой сюртук и шляпу.

Пимперникель. Стой! Привал. Что может быть слаще для доброй души, чем маршировка в ногу? Садитесь, друзья мои, выпьем сначала пива, а потом позавтракаем. Толстый Карл!

Толстый Карл. Сейчас! (*Появляется на сцене.*)
Добрый день, господин Пимперникель!

Пимперникель. Добрый день, Толстый Карл!

Фрау Пимперникель. Добрый день, добрый Карл!

Каролина. Добрый день, милый Карл!

Пимперникель. Пива! (*Показывает размеры руками.*) Для фрейлен, для фрау, для меня.

Толстый Карл. Одна минута. (*Уходит.*)

Пимперникель. Прежде всего, как полагается каждому порядочному немцу, надо прочитать вслух все надписи и плакаты, чтобы знать: что можно делать, что нужно делать и чего нельзя делать. Каролинхен, читай!

Каролина. «Муж, не серди свою жену».

Фрау Пимперникель. Слышишь, мой толстячок? (*Щиплет его за подбородок.*)

Пимперникель. Ах ты, моя пампушечка! (*Щекочет ее.*)

Каролина. «Вино, женщины и пение».

Пимперникель. Толстый Карл, еще пива! Женщины здесь. А вот вам и пение. (*Поет.*)

Светлого пива хозяин принесет

И в кружки живо

Пусть разольет.

Каролина, читай дальше!

Каролина (*напеваёт читая*). А здесь написано три слова. Вот: «Кирха, кухня, колыбель».

Пимперникель. Да, это мудрая основа.

Фрау Пимперникель. И для германки каждой цель.

Каролина (*читает*). «Здесь веселиться».

Пимперникель. Будем веселиться. (*Поет.*)

Пивом напиться,
Парочку выкурить сигар,
Так веселится
И мал и стар.

Толстый Карл!

Толстый Карл. Здесь.

Пимперникель. Приготовьте нам один хороший, добрый немецкий завтрак. Накройте нам на южной террасе, где такой очаровательный вид на прекрасный старый замок покойного барона фон-Дистермарк эн-Зондергаузен. (*К жене.*) Анхен, дай мне большую хорошую книгу «Сборник лучших немецких анекдотов и каламбуров».

Фрау Пимперникель. Вот она.

Пимперникель (*развертывает, читает*). Например: когда великий господин Крупп бывает болен самостоятельно?

Фрау Пимперникель. Это очень трудно отгадать.

Пимперникель. Когда у него бывает круп. Раз это написано в книге, то должно быть очень смешно. Будем смеяться.

Фрау Пимперникель. Хо-хо-хо!

Каролина. Хи-хи-хи!

Толстый Карл (*вбегая*). Сюда изволит итти высоко-родный лейтенант фон-Пляшке.

Все встают. Входит фон-Пляшке, за ним Зигерле. Карл остается тут же. Фон-Пляшке немного пьян.

Фон-Пляшке (*к зрителям*). Я лейтенант.

Хор мужчин. Он храбрый прусский лейтенант.

Хор женщин. Ах, мой кумир, какой он франт! Он храбрый прусский лейтенант.

Фон-Пляшке. И адъ-ю-тант.

Хор мужчин. В полку гвардейском адъютант.

Хор женщин. Вот здесь — орел, здесь — аксельбант, В полку гвардейском адъютант.

Фон-Пляшке. Я на коне.

Хор мужчин. На вороном своем коне.

Хор женщин. И наяву и в сладком сне. На вороном своем коне.

Фон-Пляшке. А конь в огне.

Хор мужчин. А конь его дрожит в огне.

Хор женщин. Ах, душно мне, ах, жарко мне! Я, я в огне, и конь в огне.

Фон-Пляшке. Мой идеал...

Хор мужчин. Его высокий идеал...

Хор женщин. Его высокий идеал...

Фон-Пляшке. Гелиогабал.

Хор мужчин. Свирепый царь Гелиогабал.

Хор женщин. Ах, дурно мне, что он сказал! Свирепый царь Гелиогабал.

Фон-Пляшке. Руби, ко-ли!

Хор мужчин. Руби плеча, смелей коли. Как страшен он. Руби, коли!

Фон-Пляшке. Ко-ли, да.

Все (*вместе*). Пли!

Фон-Пляшке (*быстро, по-военному, оборачиваясь*). Привет!

Все. Привет.

Мужчины низко кланяются, дамы — глубокий реверанс.

Пимперникель. Высокородный господин лейтенант!

Фон-Пляшке (*здоровается*). Почтенный господин Пимперникель! Очаровательная фрау! Прелестная фрейлен! Ах, фрейлен, помните ли вы последний ваш бал?

Каролина. Ах, могу ли я его забыть? Самые чудные воспоминания!

Пимперникель (*к Зигерле*). Ну? Как?

Зигерле. Все в порядке. Ключул. Приманка — старый замок!

Пимперникель. Bravo, Зигерле. За мной куртаж.

Зигерле. Чудесно.

Пимперникель (*к фон-Пляшке*). О, наш превосходный, наш великолепный господин лейтенант! Такая милая встреча! Ее нужно отпраздновать повеселее. Не сделаете ли вы нам честь позавтракать с нами в дружеской компании? Мы устроились там, на южной террасе. Извините, что оставляю вас. Я пойду распорядиться и там... вообще... (*К жене*.) Анхен!

Фрау Пимперникель. Я думаю, мне, как матери...

Пимперникель (*грозно*). Анхен! (*Сладко*.) Я на

одну минутку, господин лейтенант. Надеюсь, вы без меня не соскучитесь?

Все понемногу уходят.

Фон-Пляшке (*быстро подходит к рампе*). Первые качества германского полка — быстрота, решительность и смелость. Вперед. Налево кругом. (*Подходит к Каролинё, берет ее за руку.*) Дорогая фрейлен, посмотрите на меня: вы не замечаете во мне сегодня ничего особенного?

Каролина (*издает птичий писк*). Пи!

Фон-Пляшке. Вы не видите, что мои глаза подернуты облаком грусти? Что мое сердце пылает и трепещет?

Каролина. П-и-и!

Фон-Пляшке (*на коленях*). О, Каролина! О, невинная Каролина! Я люблю вас.

Каролина. Ах, встаньте, встаньте... Я не понимаю, что такое за любовь.

Фон-Пляшке. О, вы отвергаете меня! Тогда я сегодня же отправлюсь на войну. Я сожгу сотни деревень, разрушу все храмы и музеи, расстреляю тысячи мужчин, женщин и детей и, наконец, умру, пронзенный жестокой казацкой пикой... И потом эти варвары, русские, съедят меня, потому что мясо прусских лейтенантов — самое лакомое для них блю-ю-ю-юдо.

Каролина. Ах, нет, нет, не надо, не надо...

Фон-Пляшке (*встал*). О! Так ты любишь меня?

Каролина (*жалобно мычит с сжатым ртом*) Му-у...

Фон-Пляшке (*обнимает ее*). И ты будешь моей?

Каролина. Пи-и!

Фон-Пляшке. Моей женой и верной подругой до самой смерти?

Каролина. Поговорите с папой, с мамой.

Фон-Пляшке. Сейчас же. Но, Каролина... Брак — серьезное, важное дело. Знаешь ли ты священные обязанности честной германки? Знаешь ли ты те великие буквы «к», с которых начинаются германские великие слова?

Каролина (*поет, подчеркивая букву „к“*).

Кирха, кухня, колыбель —

Вот германки каждой цель.

Фон-Пляшке целует Каролину.

Каролина. Ах, во мне горит вся кровь! Это стыд или любовь?

Входит фрау Пимперникель.

Фрау Пимперникель. Каролина, иди, отец тебя зовет. Помоги ему немного.

Каролина. Мамахен!

Фрау Пимперникель. Я сказала! Марш! Негодная девчонка. (*Каролина уходит*) Готова повеситься на шее у каждого мужчины. Господин лейтенант, вы, кажется, любезничали здесь с моей дочерью?

Фон-Пляшке. Я? Ничуть. Обыкновенный светский разговор.

Фрау Пимперникель. И мне даже показалось, что вы поцеловались.

Фон-Пляшке. Фрау Пимперникель! Это вам только послышалось. За кого вы меня принимаете?

Фрау Пимперникель. Ах, Адольф, Адольф, зачем ты так терзаешь мое бедное сердце. (*Садится, плачет.*)

Фон-Пляшке (*в сторону*). У, ганноверская лошадь! (*Ей.*) Я? Твое нежное сердце? О, если бы ты знала, как изнывал я от тоски, не любывая твоих сладких губ. (*В сторону.*) Это не женщина, а водопад.

Фрау Пимперникель. Отчего же ты так долго не приходил ко мне? Ты ведь знаешь, что от двух до шести я всегда дома, всегда одна и жду тебя, спорая от любви.

Фон-Пляшке (*мрачно*). Я рвался... Но я не мог. У меня такие тяжелые денежные обстоятельства...

Фрау Пимперникель. Ах, мой бедный, дорогой маленький Адольф! А я как нарочно не захватила с собой чековой книжки...

Фон-Пляшке (*машет рукой*). Это долг чести... Мундир лейтенанта должен быть незапятнанным... Хороший выстрел из револьвера в висок прекратит мои страдания и спасет мое древнее имя от позора.

Фрау Пимперникель. О, нет, нет, Адольф! Я солгала тебе насчет чековой книжки... Я захватила ее. Вот она... Сколько?

Фон-Пляшке. Увы! Тридцать тысяч, мое блаженство.

Фрау Пимперникель. Адольф, ты разорешь меня! Возьми десять...

Фон-Пляшке. Не могу... никак... мундир лейтенанта... выстрел в висок... Меньше двадцати пяти не могу...

Фрау Пимперникель. Ну пятнадцать, дорогой мой Адольф!

Фон-Пляшке (*вздыхнув*). Не могу. (*Встает.*) Прощай... Иду... (*Вынимает револьвер.*) Ты мой старый товарищ

сослужишь лейтенанту фон-Пляшке последнюю верную службу.

Фрау Пимперникель. Нет, нет, нет! Спрячь скорей эту ужасную вещь. Ну двадцать, мой милый, нежный Адольф! Клянусь, что я не могу больше. Ну двадцать? Ну? Хорошо?

Фон-Пляшке (*мнется. Устало, с горечью*). Не забудь поставить число... Благодарю.

Фрау Пимперникель. А теперь один поцелуй... Один сладкий горячий поцелуй твоей маденькой Анхен.

Фон-Пляшке (*в сторону*). О, першерон! (*Ей.*) Хоть тысячу, моя возлюбленная. (*Она душит его в объятиях. Он с трудом вырывается.*) Тихе, тихе... ты меня задушишь. Чертовский темперамент. Пусти же. Сюда могут войти. Потом. (*Вырывается.*)

Фрау Пимперникель. О, моя любовь... (*Пауза.*) Но теперь скажи, мой нежный Адольф, зачем тебе понадобились эти деньги?

Фон-Пляшке. Видишь ли, мамахен, мне нужно сделать кое-какие подарки... так, разные драгоценные безделушки... Понимаешь ли, моя радость... Я тебя, конечно, обожаю и все прочее, но мне необходимо жениться.

Фрау Пимперникель. Ах! Отдайте сейчас же назад мой чек, негодяй!

Фон-Пляшке. Успокойся же, мой благоуханный цветок. Я женюсь не по любви, а только потому, что мои денежные обстоятельства ужасны. А мундир лейтенанта... он, понимаешь, без пятен. И ведь все равно надо же будет когда-нибудь жениться. Каждый немец до тридцати лет может быть Адам Адамычем, а после тридцати он уже Карл Карлыч... Любить я буду все равно только тебя одну, до гробовой доски.

Фрау Пимперникель. Обманешь?

Фон-Пляшке. Никогда!

Фрау Пимперникель. О, мой Адольф! (*Обнимает, кладет голову ему на плечо. Он старается выскользнуть.*) Скажи мне, по крайней мере, ее имя?

Фон-Пляшке. Ее имя? Каролина Пимперникель.

Фрау Пимперникель (*вскакивая*). Каролина?! Этому не бывать!

Фон-Пляшке. Это будет.

Фрау Пимперникель. Я не дам согласия.

Фон-Пляшке. Дашь.

Фрау Пимперникель. Я расстрою эту подлую свадьбу.

Фон-Пляшке. Ты устроишь сё.

Фрау Пимперникель. Я лишу Каролину моей части наследства.

Фон-Пляшке. Нет, ты этого не посмеешь сделать! У меня против тебя есть чудное оружие.

Фрау Пимперникель. Какое, подлец?

Фон-Пляшке. Твои письма ко мне. Старый Пимперникель прочтет их с большим художественным удовольствием...

Фрау Пимперникель. Ты мне зимою возвратил все письма. Я заплатила тебе за них тридцать тысяч марок.

Фон-Пляшке. И ты в самом деле считаешь меня таким дураком? О, нет! Прежде чем тебе отослать твои письма, я взял и каждое из них чик-чик-чик... *(Жест: нажимает фотографическую грушу.)*

Фрау Пимперникель. Чик?

Фон-Пляшке. Ну да. Каждое из них я взял и щелкнул фотографическим аппаратом — чик, и готово. *(Показывает письма).*

Фрау Пимперникель. О, негодяй! О, мошенник! *(Закрывает лицо платком.)* О, мейн готт! Что мне делать?

Фон-Пляшке. Что делать? Я сейчас помогу тебе. Но прошу, не забывай одного: я женюсь только по необходимости. Сердце же мое принадлежит одной тебе. *(Кричит.)* Господин коммерции советник, господин Пимперникель!

Фрау Пимперникель. Я умираю...

Фон-Пляшке. Ничего, не умрешь.

Входит Пимперникель.

Пимперникель. Что такое? В чем дело? Что случилось с Анхен?

Фон-Пляшке. Господин Пимперникель! Приготовьтесь выслушать очень важное сообщение: я давно и безумно люблю вашу дочь.

Пимперникель. О-о!

Фрау Пимперникель. А-ах!

Фон-Пляшке. Я объяснился сегодня вашей дочери. Фрейлен Каролина, как подобает всякой благовоспитанной немецкой девушке, посоветовала мне переговорить с ее родителями.

Пимперникель. Да, да... Узнаю мое кроткое дитя.

Фрау Пимперникель. А-ах!

Фон-Пляшке. Я переговорил с фрау Пимперникель, и, видите, она плачет от радости.

Пимперникель. Бедная, добрая Анхен!

Фон-Пляшке. И теперь мне только остается, господин коммерции советник, просить вашего разрешения и благословения.

Пимперникель. Дорогой мой! Красавец! Лучшая жемчужина гвардейской кавалерии! Сегодня самый счастливый день в моей жизни... Исполнились мои лучшие мечты. О, скорее сюда, на грудь ко мне, к моему сердцу, мой будущий зять!

Объятия.

Фон-Пляшке (*через плечо ему*). О, мой толстый, славный мешок с золотом!

Пимперникель. Анхен! Перестань же плакать! Поди обними господина лейтенанта, как нашего будущего сына. Почему же ты плачешь? Надо радоваться, а не плакать.

Фрау Пимперникель (*плача обнимает*). Я плачу оттого, что потеряла свою чековую книжку.

Пимперникель. Какие пустяки!.. Завтра заведем новую.

Фрау Пимперникель. Да, но там на некоторых листках я заранее сделала свою надпись и боюсь, что какой-нибудь подлец... (*выразительный взгляд на фон-Пляшке.*) какой-нибудь негодяй, вор и мошенник найдет эту книжку и, воспользовавшись моими подписями, возьмет из банка какую угодно сумму.

Фон-Пляшке (*в сторону*). О! Старая ведьма!

Пимперникель. Только-то? Вот и видно, что женщина никогда не будет деловым человеком. Да я сейчас же пойду и скажу директору банка по телефону, что, если какой-нибудь жулик явится с твоим чеком, немедленно арестовать его и отправить в полицию.

Фон-Пляшке. Непременно в полицию мерзавца.

Пимперникель. Видишь, как просто? Долой же слезы, Анхен! Обними еще раз нашего дорогого лейтенанта. Вот так. А теперь ко мне! Опять в мои объятия. Позволь мне... позволь мне, мой сын, называть тебя на «ты».

Фон-Пляшке. Ничего, папочка. (*Треплет его по плечу.*) Называй, если тебе это так нравится.

Пимперникель. Я хочу, чтобы весь мир знал о моем счастье. Я хочу прыгать, танцевать, веселиться! Каролина! Зигерле! Толстый Карл! Идите сюда.

Входят Каролина, Зигерле, Толстый Карл.

Пимперникель (*берет Каролину за руку*). Госпо-

дин лейтенант, вручаю тебе мое сокровище. Береги и люби ее и держи в строгости. (*Объятия.*) Зигерле! Толстый Карл! Поздравьте нас. Господин лейтенант фон-Пляшке сделал нам честь, просил руки нашей единственной дочери Каролины!

Поздравления: «Желаю счастья», «Как я рад», «Что за прелестная парочка», «Поздравляю вас, господин Пимперникель, фрау Пимперникель, от всего сердца» и т. д.

Пимперникель. Я горд, я счастлив. Я лопну от восторга. Толстый Карл, две бутылки шампанского!

Фон-Пляшке (*оонимая паролину*). Четыре бутылки шампанского!

Пимперникель. Дюжину шампанского!

Фон-Пляшке. Нет, остановись, Толстый Карл. (*Торжественно.*) Слушайте вы все, мои друзья, мой храбрый ландвер, мой верный ландштурм. Все вы свидетели нашего великого семейного торжества. Вы, мощные тевтоны, непобедимые потомки Атиллы, ответьте мне: когда пламенное сердце германца объято восторгом, то какое первое стремление пробуждается в его душе?

Все. Маршировать!

Фон-Пляшке. Итак, стройся! Направо шагом марш!

Все, напевая прусский марш, выстраиваются в линию, маршируют к рампе и назад. В это время за кулисами разгорается зарево. Карл убегает.

Фон-Пляшке. Стой, молодцы!

Все. Рады стараться, господин лейтенант.

Фон-Пляшке. Повторим же незабвенные слова нашего вождя. Вы, германские женщины, сестры, жены и матери героев, скажите мне священные германские слова, начинающиеся на букву «к».

Женщины. Кирха, кухня, ко-лы-бель!

Каролина. Пи-и!

Зарево сильнее. Слышится казачья песня.

Фон-Пляшке. Куда это девался чортон Карл? Вы, ландвер и ландштурм, вы, мужественные белокурые гиганты, назовите мне те великие слова на букву «к», от которых восторженно трепещут германские сердца.

Песня громче. Зарево сильнее.

Зигерле и Пимперникель. Кайзер, кровь, контрибуция.

Толстый Карл (*вбегая, в ужасе.*) К... к... к...

Фон-Пляшке. Какое еще «к» застряло у него в горле?

(За сценой громче слышится песня, мандолина и бубны. Далекий топот коней.) Ну, живо!

Толстый Карл. К-к-казаки! Казаки в Берлине!

Все (в ужасе). Казаки!

Фон-Пляшке (вынимает дрожащей рукой шпагу).
Армия! Ландвер, ландштурм!.. Спасайся, кто может!
(Бежит.)

Все за ним. Толкотня, крики. Песня за сценой:

С донским, с молодым казаком,

С донским, с молодым казаком,

С разудалым, добрым молодцем,

С разудалым, добрым молодцем...

Сцена пуста. За деревьями и домами топот полков. Плынут концы
пик и бунчук.

К о н е ц

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Водевиль А. Куприна «Лейтенант фон-Пляшке» напечатан впервые в бесплатном приложении к журналу «Театр и искусство» (№ 51, декабрь 1914 г., книга XII). По сведениям библиографического кабинета Центральной театральной библиотеки, пьеса нигде не шла. Написана в первый период мировой империалистической войны 1914—1918 годов.

Цена 3 р. 50 к.